

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ В Ъ С Т Н И К Ъ.

О К Т Я Б Р Ъ 1812. № 10.

І. С Л О В Е С Н О С Т Ъ.

О Римскихъ Историкахъ.

Типъ Ливій справедливо названъ оцемъ Римской исторіи, Romanae historiae pater. Ни одинъ писатель не имѣлъ такого естественнаго краснорѣчія, какъ онъ. Безъ пруда и безъ усилій слогъ его равняется съ величіемъ Римскимъ. Никогда не бываетъ онъ ни выше, ни ниже своего предмета. Разказъ его пріятенъ: нѣкошорые древніе Писатели сравнивали его съ рѣкою меду. Никто не обладалъ въ такой высокой степени сею легкостію, симъ богатствомъ выраженій, которыя означаютъ писателя, образованнаго самою природою. Квинтилианъ утверждаетъ, что молодые люди должны читать Типа Ливія и Цицерона

болѣе, чѣмъ другихъ писателей. „Его по-
 „вѣствованіе, говоришь онъ, чрезвычай-
 „но пріятно и ясно: рѣчи его написаны
 „съ величайшимъ краснорѣчіемъ; все со-
 „вершенно принаровлено къ лицамъ и
 „обстоятельствамъ; особливо же пре-
 „восходенъ онъ въ выраженіи чувство-
 „ваній нѣжныхъ и прогнательныхъ, и въ
 „этомъ ни одинъ Историкъ не можетъ
 „съ нимъ равняться.“

Въ наше время порицають его, Сал-
 лустія и другихъ древнихъ Историковъ;
 что помѣщали въ Исторіяхъ своихъ рѣ-
 чи, копорыя почищаются болѣе усиленіемъ
 Орапорскаго искусства, чѣмъ истори-
 ческими памятниками. Быть можетъ,
 что Фабій и Сципіонъ въ самомъ дѣлѣ
 не говорили въ Сенатѣ точно того, что
 говорятъ они у Тита Ливія; но — если
 вѣроятно, что они должны были гово-
 рить почти то же — я не вижу осно-
 вательной причины порицать Истори-
 ка. Ему запрещено вымышлять, но не
 украшать. Къ тому же должно замѣтить,
 что наши нравы и воспитаніе весьма
 отличны отъ нравовъ и воспитанія въ
 древнихъ Республикахъ. Искусство гово-
 рить краснорѣчиво было однимъ изъ нуж-

нѣйшихъ дарованій для Гражданина: молодые люди учились оному съ великимъ спараніемъ, и оно сосзавляло важнѣйшую часпъ воспитанія. Кпо хошѣль выходипь въ чины, пошъ долженъ былъ умѣшь изъясняпсья свободно и пріятно предъ шеспью спами Сенашоровъ, умѣшь защищашь мнѣніе свое, опровергаемое со всею республиканскою вольностію; а иногда говорипь предъ собраніемъ народа, многочисленнаго и мяшежнаго. Судебныя обвиненія и защитипельныя рѣчи были великими средспвами къ славъ, почему и знашнѣйшія особы Государспва искали случаевъ опличипсья, обвиняя виновныхъ, или защищая ихъ. Желаніе ихъ сосзояло въ томъ, чшобъ сдѣлалась извѣстнымъ народу, и честполубіе засзавляло ихъ искашь вражды блиспашельной. Римскіе прибуналы не походили на наци суды. Въ Римѣ всѣ малыя распри оканчивались приговоромъ нижнихъ судовъ, какъ на примѣрь прибуналомъ Ценшемвировъ; но важныя дѣла рѣшаемы были извѣспнымъ числомъ Римскихъ дворянъ, опличныхъ доспоинспвами и обязанныхъ кляшвою, — на просшранной площади, при великомъ

множесвѣ народа; и пошъ, кто осмѣливался подвергнушь себя споль знаменному испыпанію, долженъ былъ весьма знать свои дарованія и швердосшь. Тамъ судили о челоувѣкѣ на всю жизнь его: надежды и возвышеніе его должны были зависѣшь опъ мнѣнія, копорое подавалъ онъ о себѣ на семъ опасномъ поприщѣ. Молодые люди всегда находились при сихъ собраніяхъ.

Не удивительно, что Римляне, воспитанные такимъ образомъ, говорили рѣчи и чаще и легче, чѣмъ мы воображаемъ. Въ спранѣ свободной, убѣжденіе (persuasion) есть нѣкопорый родъ власпи, неизвѣспной въ такихъ земляхъ, гдѣ часто убѣждашь запрещающъ. Вошъ почему у Грековъ и Римлянъ краснорѣчіе было общимъ свойствомъ всѣхъ великихъ людей; между шѣмъ какъ у насъ оно бываетъ удѣломъ шѣхъ, копорые сдѣлали изъ него особенное свое занятіе. У насъ, кто въ состояніи имѣшь Секретаря, тошъ не шолько можешъ не быть краснорѣчивымъ, но даже можешъ не умѣшь написашъ письма. Весьма рѣдко, чтобы у насъ кто нибудъ сказалъ не гошовась шакую рѣчь, копорую бы послѣ споило

прочитайшь. Между тѣмъ досповѣрно, что Цицеронъ говорилъ первую рѣчь свою прошивъ Капилины безъ приговора: ибо нельзя было полагать, чтобъ Капилина осмѣлился показаться въ Сенатѣ. Можешь быть, при перепискѣ Орашоръ поправилъ и украсилъ ее, и это весьма вѣроятно; но должно думать, что сія рѣчь была очень хороша и тогда, когда Цицеронъ говорилъ ее: ибо Саллустій, который не любилъ Цицерона, говоритъ въ своей Исторіи: „Тогда-то „Консуль М. Туллій произнесъ ту прекрасную рѣчь, которую послѣ издалъ.“ Еслибъ было большое различіе между рѣчью *письменною* и *произнесенною*, то непріятель вѣрно бы это замѣтилъ.

Гракхи, Цезарь, Катонъ, Сципіонъ были великіе Орашоры, это значить на республиканскомъ языкѣ, были великіе государственные люди. Надобно признаться, что краснорѣчіе подобныхъ людей имѣвшихъ великую душу, просвѣщенный умъ и обширные замыслы, должно было произвести чрезвычайные образцы; и что краснорѣчіе тѣхъ, которыхъ побуждаетъ писать одно желаніе *пегататься*, и которыхъ ищущъ похвалы жур-

написовъ, называется Рипорикою. Человѣкъ спраспный еспъ испинный Орапоръ. И пакъ я осмѣлюсь сказать, что краснорѣчіе находишся у насъ болѣе въ прекрасныхъ нашихъ прагедіяхъ, нежели въ надгробныхъ словахъ и панегирикахъ. Съ какимъ бы вкусомъ Орапоры наши ни писали, все они будутъ только хорошими писателями: могутъ ли они быть сильно заняты своимъ предметомъ? А это одно средство быть испинно краснорѣчивымъ. Письмо Бруша къ Цицерону еспъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ лучшихъ образцовъ краснорѣчія, оставленныхъ намъ древностію, не смотря на то, что Брушъ, писавши оное, не думалъ писать сочиненіе: онъ изливалъ только душу свою, свободную и раздраженную. Плиневъ Панегирикъ и разсужденія Сенеки писаны въ томъ вѣкѣ, копорый слѣдовалъ за вѣкомъ Августа; въ нихъ много хорошаго, но это произведенія Рипоровъ: тамъ нѣтъ и слѣдовъ республиканскаго слога. Умы переменились вмѣстѣ съ правленіемъ.

Но возвратимся къ Типу-Ливію. Рѣчи его столь хороши, что и самый строгій ихъ порицатель не захопѣлъ бы,

чтобы ихъ совсѣмъ не было. Припомъ же можно полагаешь, что великіе люди, говорящіе въ его Исторіи, часно почерпали въ душахъ своихъ тѣ изящныя выраженія, копорыя Геній Типа Ливія имъ приписываешь, и даже производили своими рѣчами' несравненно болѣе дѣйствія, нежели Историкъ можетъ произвести своими.

Слава Типа Ливія была споль велика даже и при жизни его, что одинъ житель Кадикса, а Кадиксъ въ то время былъ для Римлянъ краемъ свѣта, отправился въ Римъ единственно для того, чтобы видѣть Типа Ливія, и, увидѣвъ его, спочасъ возвратился въ опечесство. Св. Іеронимъ, въ письмѣ къ Павлину, очень хорошо говоритъ о семъ случаѣ: „не удивительно ли, что иностранецъ, вошедши въ такую городъ, каковъ Римъ, хотѣлъ видѣть не его, а Типа Ливія?“

Извѣстно, что мы лишились большой части его сочиненій, также какъ и Тацитовыхъ. Вѣроятно, что сіи пошери, споль чувствительныя для ученыхъ, никогда не вознаградятся.

Ливія обвиняють въ суевѣріи, ибо онъ общоящельно и съ важностію раз-

сказываеиъ множество чудесъ. Но можно ли изъ того заключишь, что онъ имъ вѣрилъ? Сіи чудеса были существенною частію Испоріи такого государсва, гдѣ все дѣлалось пророчесствами и предзнаменованіями, гдѣ при всякомъ важномъ предпріятіи смотрѣли на полеть пшиць и на внушренность живошныхъ. Правда, что во времена Августовы суевѣріе было не шоль велико, но простой народъ былъ всегда суевѣренъ, а правительсво сймъ не огорчалось, ибо эпо было новымъ родомъ рабсва для народа. Сенашъ во всякое время упошреблялъ вѣру и предсказанія для своихъ выгодъ. Книги Сивилль, съ копорыми иногда совѣшовались, походили на сотни Носпрадамуса, гдѣ найдешъ все, что угодно. Эшо можешъ удосповѣришь насъ, что Тишь Ливій и другіе испорики обязаны были скрывать мнѣнія свои о чудесахъ, и никого не смѣли выводишь изъ заблужденія. Впрочемъ я не хочу увѣришь, что Тишь Ливій почишалъ сіи чудеса нелѣпыми баснями, но говорю шолько, что онъ могъ писашъ о нихъ совсѣмъ не шо, что думалъ.

Когда не было еще Тацита, то Саллустія называли лучшимъ Римскимъ Историкомъ (*). Квинтилианъ и Паперкуль сравнивають его съ Фукидидомъ; пошъ же самой Квинтилианъ сравниваетъ Тита Ливія съ Иродотомъ. Я думаю, что удивленіе, которое Римляне имѣли къ Греческой Словесности, и сіе старое почтеніе, которое мы сохраняемъ къ своимъ учителямъ, дѣлали приспраснымъ сужденіе Квинтилиана, имѣвшаго впрочемъ умъ здравый и просвѣщенный. Что же касается до насъ, получившихъ равныя благодѣянія отъ Грековъ и Римлянъ, то кажется, что Тита Ливія можно предпочестъ Иродоту, а Саллустія Фукидиду: ибо описанія сихъ Римскихъ историковъ несравненно живѣе. Ливіевы описанія пріятны, Саллустія сильны; первый удивляетъ насъ блистательнымъ изобиліемъ, второй разительною быспрошою. Правда, что Саллустій бралъ въ образецъ краткость Фукидида, и говоритъ, что онъ много занялъ изъ сего Историка. — „Саллустій,

(*) Марціалъ говоритъ объ немъ:

Crispus Romana primus in historia.

„говоришь Квинтилианъ, перевель много
 „съ Греческаго.“ Должно думать, что сіи
 слова опносятся къ другимъ сочине-
 ніямъ Саллустія, копорья не дошли до
 насъ: извѣсно, что онъ написалъ большу-
 ю часть Римской Исторіи. Но подра-
 жая краткости Фукидида, онъ имѣеть
 болѣе силы, и самъ Квинтилианъ замѣ-
 чаеть это различіе. „Изъ Греческаго испо-
 „рика — говоришь онъ — не смотря на
 „краткость его, можно что нибудь вы-
 „кинуть: сіе уменьшишь пріятность по-
 „вѣствованія, но полноша мыслей оста-
 „нется та же. Еслижь у Саллустія оп-
 „нись хотя одно слово, то смѣсль по-
 „вреждается: и сего то не чувство-
 „валъ Титъ Ливій, копорый порицалъ его
 „за то, что онъ обезображиваетъ и осла-
 „бляетъ мысли Грековъ, и копорый пред-
 „почиталъ ему Фукидида — не пошому,
 „что онъ болѣе любилъ сего послѣдняго,
 „но пошому, что онъ его не шоль боял-
 „ся, и поелику думалъ, что опдадутъ
 „ему преимущество предъ Саллустіемъ
 „скорѣе, ежели будетъ предпочиташъ Фу-
 „кидида своему сопернику.“

Сіе мѣсто показываетъ, что и Титъ
 Ливій, коего нравъ почитается шоль

же пріяшнымъ какъ слогъ его, не могъ предохранить себя опть зависши. Чіпобы не имѣшь сего порока, неразлучнаго съ несовершенствомъ человѣка, не довольно великаго дарованія, которое впрочемъ очень рѣдко; должно имѣшь и великую душу, которая еще рѣже.

Авлугеллій называетъ Саллустіа *знатокомъ въ краткости и вводителемъ старыхъ словъ*. „Пріяшность Саллустіа, „говоришь онъ, красота его выражений „и спараніе изыскивають новыя выраже- „нія, нашли много порицашелей, даже „между знашнѣйшими дюдъми: во множе- „ствѣ критическихъ замѣчаній, сдѣлан- „ныхъ на его сочиненія, хопя и нахо- „дятся основашельныя, но еспь и пакія „гдѣ видно болѣе злобы, нежели справед- „ливоспи.“

Между обвинявшими, Саллустіа въ неясности и въ охотѣ вводить спарыя слова, былъ Юлій Цезарь, который любилъ его и составилъ ему щаспіе, и славный Азиній Полліонъ, человѣкъ съ самымъ разборчивымъ вкусомъ, бывшій покровишелемъ ученыхъ и хорошимъ писашелемъ. Онъ и Саллустій учились у одного учишеля. Сей учишель; по имени

Прешекспашъ, замѣтивъ въ Саллустіѣ склонность къ Исторіи, далъ ему сокращеніе всей Римской Исторіи съ тѣмъ, чтобы онъ описалъ какую нибудь часть оной. Сначала написалъ онъ исторію о заговорѣ Капилины, коего былъ очевидцомъ, а потомъ и о войнѣ Югурты.

Онъ сочинилъ исторію о междуусобныхъ войнахъ Маріа и Силлы до смерти Серпурія, и о возмущеніи Лепида, побѣжденнаго Капуломъ. Но это драгоценное сочиненіе погибло: мы имѣемъ изъ него только нѣкоторыя отрывки.

Нравственныя его качества были порицаемы болѣе, чѣмъ его творенія. Должно думать, что развратное поведеніе его, о которомъ говоритъ Горацій въ своихъ сатирахъ, проспиралось до высочайшей степени: ибо онъ, не смотря на знатное происхожденіе, былъ изгнанъ изъ Сенапа Цензоромъ Аппіемъ Пулхеромъ.

Саллустія упрекають въ гнусномъ лицемѣрїи. Утверждаютъ, что онъ, показывая строгую нравственность въ сочиненіяхъ, копѣлъ чрезъ по ослѣпиль своихъ читателей и обмануль современниковъ и потомство; что онъ вво-

диль спаринныя выраженія только для того, дабы увѣришь, что нравы его, также какъ и слогъ, опъзывались простиною и добродѣтелию древнихъ Римлянъ; что онъ занималъ много словъ изъ Капоновой книги *о происхожденіяхъ*, дабы думали, что онъ и душевными свойствами походилъ на Катона. Ленась, оппущенникъ Помпея, называлъ Саллусію *весьма неискуснымиъ ворамиъ Катоновымиъ*.

Черезъ дарованіе свое, или черезъ ласкашельство, а можетъ бытъ черезъ по и другое, получилъ онъ опъ Цезаря Преторское достоинство, а послѣ Африканской войны, во время которой онъ ревностно служилъ Цезарю, опправленъ былъ въ Нумидію съ званіемъ Пропретора. Тамъ собралъ онъ величайшее богатство, и наслаждался имъ шѣмъ съ болышею пріятностію, что прежде былъ весьма бѣденъ. Онъ купилъ славные сады, извѣстные послѣ подъ именемъ садовъ Саллусію, и прекрасный загородный домъ близъ Тиволи. Народъ, ввѣренный его управленію, обвинилъ его предъ Цезаремъ въ лихоимствѣ; но онъ избѣжалъ наказанія, отдавъ часть награбленныхъ имъ сокровищъ Дикшапору, и провелъ всю жизнь свою въ роскоши.

О Тацитѣ нельзя сказать, какъ о Саллустіѣ, что онъ былъ добродѣтеленъ только на словахъ. Онъ заставляешь читателя своихъ любить добродѣтель, которую самъ дышетъ. Слогъ его величественъ, какъ душа его; живописателенъ, но безъ излишнихъ украшеній, красокъ, но не шепель, важенъ, но не надуть: онъ говоритъ въ сердце и душу и воображенію и уму. О читателяхъ Тацита можно судить по отзыву ихъ о его достоинствѣ: ибо мысли его выражены такимъ образомъ, что всякой проникаетъ въ нихъ болѣе или менѣе, по естеству, какъ позволяешь ему силы его. Хотя въ слогъ его не примѣтно такой опрабочки, какъ у Саллустія, но онъ несравненно полнѣе и совершеннѣе. Прелесть его слога, до которой никогда не достигнутъ, зависитъ не только отъ его гения, но и отъ обстоятельствъ, въ коихъ онъ находился. Сей добродѣтельный человекъ, котораго первые взоры, по выходѣ его изъ дѣтства, устремились на ужасы двора Неронова, который видѣлъ послѣ постыдное поведеніе Галбы, возвращъ Вишеллія и неисповѣсто Отона; который дышалъ свободнѣе при Веспасі-

анъ и Типшъ, былъ принужденъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ своихъ сносить въ молчаніи гнусное царствованіе Домиціана. Тацитъ былъ незнашнаго происхожденія. Получивъ званіе Квестора и находясь на спешѣ почестей, онъ долженъ былъ спрашиться за семейство свое, которое не имѣло, кромѣ его, никакой подпоры; онъ принужденъ былъ дѣлать насиліе великой душѣ своей и спрोगимъ своимъ правиламъ, и снисходитъ, хотя не до подлости придворнаго, но по крайней мѣрѣ до повиненія подданнаго, который не долженъ ничего оуждать, ежели не желаетъ своей погибели. Онъ неспособенъ былъ заслужить дружество пирана, но и не хотѣлъ обратиться на себя его ненависть; принужденъ былъ скрывать часъ своихъ дарованій и достоинствъ, чѣмъ не озлобитъ пиранство; заглушаетъ безпрестанно раздраженное свое сердце, оплакиваетъ тайно бѣдствія опечесства и смерти честныхъ гражданъ, и даже удерживается отъ сей наружной печали, которую долговременная принужденность изображаетъ на лицѣ добродѣтельнаго чловѣка, и которая всегда подозрительна худому Государю, знаю-

щему, что при дворѣ его должна печалиться только добродѣшель.

Въ семь шягосипномъ соспояніи Тацпшь излпль на бумагу скорбь свою и негодованіе, копорыхъ не могъ уменьшить другимъ образомъ. Вопшь почему слогъ его споль занимашелень и споль живъ. Въ укорпзнахъ своихъ онъ не декламаторъ, и человѣкъ сильно пронупый не можешъ бышь онымъ; но онъ изображаешъ споль яркими красками все, что подлоспъ и рабспво имѣюпъ опврашпшельнаго, все, что деспотпзмъ и жестокоспъ имѣюпъ ужаснаго, надежды и успѣхъ злодѣяній, блѣдноспъ невинности и уныніе добродѣтели; онъ изображаешъ все, что видѣль и прешерпѣваль, споль живо, что чпшашели видяпъ и спрадаюпъ вмѣсппсъ нпмъ; онъ проспшь у нпхъ прощенія, что обращаешъ вниманіе ихъ на пакія ужасы, но между пѣмъ ужасы сіп повѣспвуешъ пакъ, что чпшашели сожалѣли бы, есплбъ онъ не описаль ихъ. Кажешся, что шпраны наказуюпся, когда онъ ихъ изображаешъ. Онъ прешспвляешъ поппомспво въ самомъ величешпвенномъ видѣ, и я не знаю никакаго чпшенія ужаснѣйшаго для худаго Государя.

Говорили, что онъ видѣлъ во всемъ только одно зло, и клеветалъ на природу человеческую. Но въ его время онъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ клеветѣ. И можноли подумашъ, что бы поэтъ, кто изобразилъ послѣднiя минувшы Германика, Барей, Фразеаса; кто написалъ похвалу Агриколѣ, не видѣлъ добродѣтели тамъ, гдѣ была она? Жизнь Агриколы есть образецъ Біографiй; она есть превосходнѣйшее сочиненіе Тацита, у котораго все превосходно. Онъ писалъ ее во время пищины и щасiя. Царствованіе Нервы, который сдѣлалъ его Консуломъ, и наконецъ царствованіе Траяна упѣшали его въ томъ, что онъ былъ Препоромъ при Домиціанѣ. Слогъ сего сочиненiя прiятнѣе и прогашеднѣе; кажется, что Тацитъ начинаетъ прощашъ. Здѣсь-то находимъ сей урокъ, столь прекрасный и полезный: „примѣръ „Агриколы, говоритъ Историкъ, научаетъ насъ, что можно быть великимъ „и при худомъ Государѣ, и что благоразумная покорность, соединяемая съ дарованiями и швердосiю, можетъ доставить иную славу кромѣ той, до которой достигли люди пылкіе, искавшіе

„шокмо знаменишой смерши, но безпо-
лезной для опечесива.“

Тацитъ женился на дочери сего Агриколы, копорого жизнь имъ описана, и копорый былъ одинъ изъ величайшихъ людей своего времени. — Онъ былъ въ корошкой связи съ младшимъ Плиніемъ; многія письма сего остроумнаго писателя доказывають дружбу и уваженіе его къ Тациту. Недавно начали чувствовашъ его достоинство. Педанты, копорые не знали, что можно писать другимъ слогомъ какъ Цицеронъ, почипали Тацита въпороспепеннымъ писателемъ, неяснымъ и принужденнымъ. Симъ людямъ можно бы было припомнишь слова Юсша Липсіа, на копорого въ другихъ случаяхъ я не спалъ бы ссылашъся. Вопшь, что говоришь онъ дурнымъ слогомъ, но очень благоразумно: „на каждой спрани-цѣ, на каждой спрокѣ Тацита найдешъ умное, найдешъ совѣшь, аксіому: но онъ споль быспрь и споль крапокъ, что нужно имѣшь много пронцашѣльности, дабы слѣдовашь за нимъ и разумѣшь его. Не всѣ собаки слышають дичь, не всѣ чипашели разумѣють Тацита.“

Мы не знаемъ дословѣрно, когда жилъ Квинтъ Курцій; одни говорятъ, что при Августѣ, другіе, при Веспасіане, а нѣкоторые, при Траянѣ. Фреингемій прибавилъ къ исторіи его, поспрадавшей онь времени, двѣ первыя книги и часть послѣдней. Слогъ Квинта Курція весьма украшенъ. Онь опличается описаніемъ сраженій. Славная его рѣчь Скифовъ прекрасна. Подозрѣвають, что онь позволялъ себѣ романическія украшенія въ исторіи своего Героя, но, кажется, это обвиненіе не основательно. Онь не скрываетъ ошибокъ и дурныхъ свойствъ Александра; чтожь касается до справедливости происшествій, то прочитавъ разсужденіе Тита Ливія объ успѣхѣ, который имѣлъ бы сей завоеватель, если бы перенесъ оружіе свое въ Испалію, можно увидѣшь, что Римляне, по покореніи Македоніи, доспали весьма хорошія о немъ записки.

Жизнь Свепонія мало извѣстна. Отецъ его былъ Легіонный прибуль, и служилъ въ войнахъ Опона и Вишеллія. Свепоній былъ Секретаремъ у Императора Адриана, но лишился сего мѣста за вольное обхожденіе съ Императрицею Сабіною.

Онъ былъ въ дружбѣ съ младшимъ Плиніемъ, который въ одномъ письмѣ своемъ весьма хвалилъ нѣкоторыя его сочиненія, и просилъ, чтобы онъ издалъ ихъ въ свѣтъ. Светоній писалъ много, но изъ всѣхъ его сочиненій дошли до насъ только жизнь Грамматики и Исторія первыхъ двенадцати Цезарей. Хотя Светонія нельзя назвать краснорѣчивымъ писателемъ, но онъ имѣлъ свое достоинство. Исторія его весьма любопытна: онъ съ величайшею подробностію описываетъ всѣ происшествія. Повѣствуя жизнь Цезарей, онъ рассказываетъ не только то, что они дѣлали, но и то, что объ нихъ говорено было. Однакожь изобилуя подробностями, онъ скупъ на разсужденія: онъ рассказываетъ не оспариваясь, не принимая ни въ комъ участія, не распочая ни похвалъ, ни порицаній; онъ не имѣлъ ни любви ни ненависти къ людямъ, которыхъ описываетъ, и предоспаиваетъ судить, объ нихъ чиншпелю; часто говоритъ о происшествіяхъ по наслыщкѣ, но за нихъ не ручается. Не смотря на сію оспорожность, Линге, сочинитель книги *о перемѣнахъ въ Римской Имперіи*, обвиняетъ

Свепонія въ слабоуміи, и говорить даже, что всякое произшествіе, ежели объ немъ повѣствуешь сей Историкъ, не заслуживаетъ ни какого вѣроянія. Онъ долженъ бы былъ вспомнить, что всѣ сіи общія утвержденія почти всегда бывають ложны, и что, дабы лишить Историка всѣхъ правъ на довѣренность попомства, надобно доказать, что онъ находилъ какую нибудь выгоду въ обманахъ, или былъ совсѣмъ безъ разсудка. Но прочитавъ нѣсколько страницъ Свепонія, можно увѣриться, что онъ не держался никакой спороны и былъ совершенно безпристрастенъ. Къ шомужь весьма прудно повѣришь, что бы Адріанъ, копорый былъ человекъ весьма умный, выбралъ себѣ въ Секретари глупца, а Плиній, писавшій всегда съ такою оспорожностію, спалъ хвалишь безумнаго.

(Оконч. въ слѣд. Нум.)

На Разрушеніе Москвы.

Челомъ во прѣхъ! — Благоговѣйте,
 О сильныя земли! — Эгова возгремѣль!..
 Во препещѣ виновныхъ слезъ не лѣйте;
 Его шакъ промысль восхошѣль,
 Чтобы сбылось несбыточно явленье,
 Чтобы мудрыя во изумленье
 Познали въ силѣ суешу
 И въ мудрости мечшу.

Москва, владычица полміра,
 Мать храбрыхъ изкони, обипель музъ,
 любви,
 Спрадальца шихій кровъ и упованье сира,
 Объяша пламенемъ и понешъ во крови.....
 Но гдѣжь безспрашныхъ миліоны?.....
 Предъ ней — за ней — кругомъ,
 Скрежещущъ въ ярости сразисься со вра-
 гомъ.

Но щакъ гибли Вавилоны,
 Когда предвѣчныя законы
 Погибель изрѣкли.
 Ни мудрыхъ Волхвованья,
 Ни сильныхъ соспязанья
 Опъ Рока не спасли.

Вспоенный кровью Тигръ, бичь роковой
 десницы,
 Полсвѣща оруживъ и лещью и мечомъ,
 Обильный въ хипроспяхъ пашей, Цареубійцы,
 Пришелъ Пешровъ разрушить домъ,

И въ дерзостномъ мечшави
Мнишь—,ждушь меня не брань, одни руко-
плесканьи.

„Я чрезъ глашшая рабамъ

„Свободу дамъ,

„И прахъ опъ ногъ моихъ священнымъ имъ
явишся.,,

Очнися гордый врагъ опъ сладкой дре-
мошы!

Не встретишь здѣсь рабовъ — влечешь ихъ
сонмы шы;

Россъ Россомъ бышь всегда здѣсь праведно
гордился!

Любезенъ намъ опцевъ и праждовъ законъ;

Мы всѣ его рабы, владыко намъ лишь онъ.

И се во гнѣвѣ Богъ и въ милоспяхъ богашый,

Россіанъ пораза, просперъ къ нимъ щедру
длань:

Въ нихъ мѣспи духъ горипъ, кипипъ крова-
ва брань.

Уже въ побѣдахъ врагъ крылашый

Позналъ Россіанъ чудну мощь!

Трепещетъ спраха въ изумленьи,

Мечъ гложетъ свой въ осцервененни

И рыщетъ въ ужасѣ, какъ скимнъ въ глу-
боку ночь.

Въ Москвѣ — опвсюду смерть зяешъ,

Въ лѣсахъ — съ нимъ блѣдный гладъ блуж-
даешъ,

Въ поляхъ — Россійскій спанъ.....

Убійца, ужасомъ и думой обуянъ,

О славѣ позабылъ, лишь мыслишь о спасенни.

Соядовишыхъ успѣхъ, въ обманчивомъ смиреннѣи,
 Льемъ пагубную лѣснь и сѣмь злой обманъ:
 „Да будетъ миръ межъ насъ.., — Твой миръ
 естъ опдыхъ змѣя,

А дружба — ковь злодѣя!.....

Вражда, кровава брань

И гнусныхъ полчищъ испребленье—

Вошь договоръ съ побой, вошь дружесшвен-
 на дань!

Другихъ союзовъ нѣшь пому, кто испреб-
 ленье,

Разбой, грабежи, обѣшовъ нарушенье,

Все, люпосши своей позволеннымъ щип-
 шаль;

Изъ грязи кто восшавъ, свѣшь пѣснымъ
 почишаль.

Европа, цѣлый міръ къ намъ длани про-
 спирающъ;

Народы — шишины, опъяшыхъ правъ—цари,

Жершвокуренія—свяшые олшари

Опъ Россовъ ожидающъ.

О! Сѣвера предивный сынъ!

Смиренный въ щаспѣи, въ бѣдахъ велико-
 душный,

Россъ, Богу и Царю законному послушный!

Ты міра участи спалъ нынѣ власшелинъ.

Сбери свои всѣ чудны средспва,

Подвигнись исполнъ!

Избавь спенящій міръ опъ бѣдспва,

КЪ Д. В. Д.

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
 И неба мстительнаго кары;
 Враговъ неисповыхъ дѣла,
 Войну и гибельны пожары.
 Я видѣлъ сонмы богачей
 Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
 Я видѣлъ блѣдныхъ маперей
 Изъ милой родины изгнанныхъ!
 Я на распушья видѣлъ ихъ,
 Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
 Онѣ въ опчаянны рыдали
 И съ новымъ шрепешомъ взирали
 На небо рдяное кругомъ.
 Трикрапы съ ужасомъ попомъ
 Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
 Среди развалинъ и могилъ,
 Трикрапы прахъ ея священной
 Слезами скорби омочилъ;
 И памъ — гдѣ зданья величавы
 И башни древнія Царей,
 Свидѣтели протекшей славы
 И новой славы нашихъ дней;
 И памъ — гдѣ съ миромъ почивали
 Оспанки Иноковъ свяпыхъ,
 И мимо вѣки протекали,
 Свяпыни не касаясь ихъ;
 И памъ — гдѣ роскоши рукою,
 Дней мира и прудовъ плоды,
 Предъ злапоглавою Москвою
 Воздвиглись храмы и сады —

Лишь угли, прахъ и камней горы,
 Лишь груды пѣлъ кругомъ рѣки,
 Лишь нищихъ блѣдные полки
 Вездѣ мои встрѣчали взоры
 А ты, мой другъ, товарищъ мой,
 Велишь мнѣ пѣть любовь и радость;
 Безпечность, счастье и покой
 И шумную за чашей младость!
 Среди военныхъ непогодъ,
 При спрашномъ заревѣ споллицы,
 На голосъ мирныя цѣвницы
 Сзывать пастушекъ въ хороводъ!
 Среди могилъ моихъ друзей,
 Упращенныхъ на полѣ славы,
 Мнѣ пѣть коварныя забавы
 Въ столицѣ въпреныхъ Цирцей! —
 Нѣшь, нѣшь! Талантъ погибни мой
 И лира дружбѣ драгоцѣнна,
 Когда ты будешь мной забвенна,
 Москва, отчизны край злашой!
 Нѣшь, нѣшь! Пока на полѣ чести
 За древнѣй градъ моихъ опцовъ
 Не понесу я въ жертву мѣспи
 И жизнь и къ родинѣ любовь;
 Пока съ израненнымъ Героемъ (*),
 Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
 Три раза не поставлю грудь
 Передъ враговъ сомкнушимъ строемъ —

(*) Г. В. *

Мой другъ! дополѣ будущъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любви свисы,
И радость шумная въ винѣ!

Б.

Отрывокъ изъ Толпсона.

Кто въ мирѣ щастія прямого цѣну знаетъ
И сельской жизни всѣ пріятности вѣкушаешь,
Въ кругу своихъ друзей, ошь шума удалень;
О какъ, пошь испинно покоень и блаженъ!

Нѣшь нужды въ шомъ ему, что мошь, богачъ
надмѣнный,
Въ чертогахъ золошыхъ, льспецами окру-
женный,

Обманывая ихъ, обманушь всякой часъ;
Нѣшь нужды, что на немъ алмазы не сіяють;
Они лишь шяжестью своей обременяють;
Въ одеждѣ онъ проспой свободнѣй во спо
разъ;

Нѣшь нужды, что пировъ роскошныхъ онъ
не знаетъ,

Что море рѣдкостей ему не доставляетъ,
Что въ кубкѣ у него не пѣнился шокай;
Онъ весель, сышь, здоровъ и не боишя
скуки.

Ушѣхи мнимыя намъ обѣщаютъ рай,
А наконецъ родятъ раскаянье и муки.
Мудрецъ обманчивой надеждой не прельщень,
Онъ и душой своей и всѣмъ обогащень;
Обогащень весны пріятными дарами,
И лѣпней жашвою и сочными плодами;
И осень для него гошовишь виноградъ,
Віющійся вокругъ сполѣпней, гордой ивы.
Когдажъ Борей валить пушишый снѣгъ на
нивы

То даже и шогда онъ будущимъ богашъ.

Судьба труды его успѣхомъ награждаетъ,
 Телицы шучныя млеко ему дають,
 Овечекъ стадо здѣсь на берегу гуляетъ,
 А шамъ шумяшъ ручьи и соловьи поють,
 И пчелы передъ нимъ сокъ розъ душистыхъ
 пьютъ ;

Онъ подъ жужжаньемъ ихъ покойно засы-
 паешь.

Въ природѣ все его увеселяетъ взоръ—
 Обширныя поля и злчныя долины,
 Лѣса тѣнистыя, пещеры и спремнины
 И быспрый водопадъ съ крутыхъ бѣгущій
 горъ .

Во храминѣ его невицность обипаешь,
 Просшая истина, здоровье, красота ;
 Пришворсша вѣшь ни въ чемъ, ни кто его
 не знаетъ ,

И совѣсть всякой часъ покойна и чиспа.
 Во храминѣ его, любви посвященной,
 Нѣшь честолубія, коварсша злаго нѣшь ;
 И нѣжный шамъ пѣвецъ, природой восхи-
 щенной,

На лирѣ щасіе и радостъ воспоешь .

В. Пушкинъ .

Медвѣдь и два охотника.

Охотника два были.

Продашь медвѣжий мѣхъ случилось какъ-то
имъ.

Медвѣдя хоть они еще и не убили,
Но думали убишь, и долго ли двоимъ?

И шакъ они задапокъ взяли,
Принесли покупщику мѣхъ славной обѣщали,
Поѣли, выпили, пуспились смѣло въ лѣсъ
И вдругъ на встрѣчу къ нимъ медвѣдь пырь
изъ берлоги.

У нихъ шупъ подкосились ноги.

Одинъ на сосну взлѣзь

И сидя на суку креспился;

Другой же мертвымъ припворился,

Ничкомъ на землю палъ,

Не двигался и не дышалъ.

Медвѣдь большой, мохнашой,

Приблизился къ нему и шакъ его прокляшой

Перевернулъ, обнюхавъ, раза два,

Что потъ едва, едва

Не закричалъ, и кой ужъ какъ скрѣпился.

Но, слава Богу! наконецъ

Звѣрь спрашной удалился.

Смѣльчакъ въ низъ съ дерева спу-
спился;

Открылъ глаза мертвецъ,

Ощупалъ самъ себя, вздохнулъ и припод-
нялся. —

Съ побою, брашь, медвѣдь шепшался—
Товарищъ у него спросилъ—

Скажи, что на ухо шебѣ онъ говорилъ. —
„Что по порядку должно
Медвѣдя напередъ убишь,
А послѣ этого ужъ можно
И мѣхъ его продашь и пишь.“

А. Измайловъ.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Краткое замѣчаніе

О Заволоцкой Чуди.

Заволоцкая или Заволоческая Чудь принадлежишь къ шѣмъ племенамъ, кои въ древности сосставляли Россію и кои въ поздныя времена едва оставили память бытія своего въ древнихъ именахъ, сохраненныхъ Лѣтописцами. Тѣмъ не менѣе однако важно для Исторіи Отечества нашего и въ наше время опыскивать слѣды первобытныхъ обитателей онаго, предковъ нашихъ. Сію истинну всегда чувствовали бытописатели наши, и болѣе или менѣе успѣвали приводишь оную въ извѣстность и ясность: но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остаещя еще многое не изслѣдованное, не объясненное, или сомнительное, доказательствомъ чего служишь можешь наименованное мною племя.

Пр. Неспорь, опецъ опечесшвенной Исторіи нашей, изчисляя народы древнюю Россію насѣлявшіе до призванія еще Рурика на княженіе Новгородское, упо-

минаешь о Заволоцкой Чуди, какъ народъ опличномъ опъ прочихъ; но будучи скупъ на слова, ни о спочномъ мѣспѣ сего племени, ни о свойспвахъ онаго, ни о дѣлахъ не говорихъ ничего общошпательно, хощя и упоминаешь о немъ въ 1042 году подѣ именемъ Еми (1), если шолько согласишься съ Тапищевымъ, что Емь соспавляла часпъ Заволочья и что, кажется, подшверждаетъ самъ Неспоръ, повѣспвуя о походѣ Князя Глѣба Святиославича изъ Новагорода въ 1078 году на Емь въ Заволочье (1). — Продолжатели Неспоровой лѣшписи шакже упоминають о семъ племени, на примѣръ: въ 1148 году говоря о походѣ Новгородцевъ, Псковичей, Карелы, Чуди и Заволчанъ съ в. Княземъ Изяславомъ II къ Волгѣ (3); но вездѣ впрочѣмъ спольже не опредѣлштельно. — Равнымъ образомъ упоминаются Заволочье (мѣспо Заволоцкой Чуди) въ Новгородскихъ грамапахъ, къ разнымъ Князьямъ писанныхъ, 1263, 1309, 1326 годовъ и позже (4), изъ коихъ одна-

(1) Тапищева Рос. Испорш кн. II. стр. 107. прим. No 246

(2) Тамъ же стр. 132. — (3). Тамъ же стр. 336.

(4) Древн. Россшск. Бивлюѳ. 2е издан. шомъ I.

ко видно полько по, что въ сіи времена соспавляло оно волость Новгородскую. Сверхъ сего лѣтописи повѣснвуютъ еще, что Заволочье не рѣдко привлекало на себя силы Новгородскія, что Заволочане соспавляли народъ не полько воинственный, но и имѣвшій нѣкоторую степень гражданскаго образованія, какъ доказываютъ по упоминаемыя въ лѣтописяхъ строенія городовъ и укрѣпленія оныхъ (5); что переходили они изъ подданства Новгороду въ подданство Московскому княженію и обратно; а напоследокъ по покоренію в. Княземъ Московскимъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1464 году Новгорода и волостей онаго, въ числѣ коихъ находилось и Заволочье, великому княженію Московскому, исчезло и имя особаго сего племени вмѣстѣ съ прочими въ имени одного народа Великороссійскаго.

Таково было печеніе политическаго бышнѣя Заволоцкой Чуди съ IX по крайней мѣрѣ, до изхода XV вѣка.—Историки

(5) Лѣтописецъ Двинской въ I ч. Опыта Трудовъ Вольнаго Россійск. Собранія.—Новгородскій, помѣщенный въ продолженіи древн. Росс. Вивл.—Ташиц. Историі кн. IV стр. 150 и индѣ.

не доставили намъ подробнѣйшихъ свѣдѣній о семъ племени и даже не сказали ни чего почти точнаго о мѣстѣ онаго подобно Пр. Нестору: но руководствуясь соображеніемъ разныхъ обстоятельствъ, къ сему относящихся, — самыми словами шѣхъ же Испориковъ и нѣкоторыми особенными замѣчаніями, постараемся, сколько возможно, означить насъоящее мѣсто Заволочанъ и объяснить то, о чемъ умолчали бытописатели.

По первому взгляду, кажется, не нужно бы входить въ особенныя изслѣдованія для опредѣленія мѣста Заволоцкой Чуди, чинная въ Двинскомъ лѣтописцѣ (6), что такъ назывались сперва, по еси до просвѣщенія Россіи Св. Крещеніемъ, жили береговъ сѣверной Двины; но сіе извѣстіе, какъ легко примѣшшь можно, крайне не достаточно для точнаго опредѣленія мѣста, нами опыскиваемаго: ибо одинъ или и оба берега Двины не довольно обширны и удобны для помѣщенія шакого народа, копорой имѣлъ города, погоспъ, деревни, и копо-

(6) Напечатанномъ въ Опытѣ Трудовъ Вольн. Росс. Собр. ч. I. стр. 113.

рый могъ выспавишь въ поле 12000 рашниковъ (7), или плапийшь дань въ 5000 (8), или окупъ въ 2000 рублей и 3000 лошадей (9). Ипакъ Заволоцкая Чудь долженствовала занимать довольно обширное пространство и населять мѣста не на однихъ берегахъ упомянутой рѣки. Впрочемъ изъ лѣтописей, упоминающихъ о походахъ на Заволочье, или, что все одно и тоже, за волокъ, равно и о военныхъ дѣлахъ Заволочанъ, видно, что Двина составляла границу, такъ сказать, Заволоческой земли: ибо нигдѣ не упоминается, чтобы походы за волокъ простирались также и за Двину. Слѣдственно Заволочане населяли часть земли по лѣвую сторону Двины, за копорою къ востоку жило особое племя, именованное отъ испориковъ Юграми (10). Ташицевъ говоритъ, что отъ древней Лопи, или нынѣшней Лапландіи, къ востоку и по Двинѣ жили Двиняне (11);

(7) Тамъ же стр. 121. — (8) Таш. Исп. кн. IV, стр. 317. — Арханг. лѣтоп. стр. 92.

(9) Двинской же лѣтопис. стр. 117. — Архангелогородскій лѣтописецъ отъ 852 до 1598 года, напечат. въ Москвѣ 1781 г. стр. 100.

(10) Ташиц. Испор. кн. I, ч. 2, стр. 313. (11) Тамъ же.

или, какъ говоритъ Шлецеръ, по лѣвому берегу Двины между Кареліи къ западу и Перміи къ востоку (12); а сіе и показываешь уже, что Заволоческая земля къ востоку ограничивалась Двиной, къ сѣверу бѣлымъ моремъ, къ западу Лапландіею или Кареліею; изъ чего, кажется, съ довольною вѣроятностію заключаешь можно, что волокъ, за-коимъ жили Заволочане, соспавлялъ границу земли ихъ къ югу. Но дабы сію вѣроятность сколько возможно болѣе приблизить къ исторической истинѣ или обратишь въ оную, то, кажется, необходимо нужно найти мѣсто сего *волока*.

Историки наши упоминають о *волокахъ* въ разныхъ мѣстахъ; равнымъ образомъ встрѣчается у нихъ и *Заволожье* особое оцъ нашего: но какъ они опдалены оцъ шѣхъ мѣсть, кои населены были Заволоческою Чудью, то я и ограничусь изысканіемъ только того *волока*, копорый опдѣлялъ, собственно такъ сказать, Новгородскую обласъ оцъ Заволоческой земли.

(12) Неспоръ, Шлецеромъ изданный. Россійск. перевода ч. I. стр. 70.

Знаменишый криптикъ Нестора Шле-
церъ, принявъ за основаніе, что *воло-*
колѣ по Россійски называется узкое
пространствоземли между двухъ рѣкъ (13),
думалъ, что за таковымъ пространст-
вомъ должно искашь мѣста Заволоцкой
Чуди, — думалъ — не нашель — и кончиль
однимъ полько заглавіемъ Двинскаго лѣ-
тописца, въ коемъ имянно сказано, что
Двинскіе жиители сперва назывались За-
волоцкою Чудью. — Точно также пред-
полагалъ весьма еще недавно Г. Арцыбы-
шевъ, въ сочиненіи своемъ *о первобыт-*
ной Россіи и ея жителейхъ (14), съ пою
полько разностью, что мнѣніе Шлецера
желалъ подкрѣпить своею догадкою, го-
воря: „Заволоцкой народъ вѣроятно слымъ
Заволоцкимъ пошому, что Новгородцы
Волховымъ, Ладожскимъ озеромъ и Свирью,
могли доплышь до озера Онеги, ошъ ко-
шораго, или ошъ рѣки Волды до рѣки
Онеги, по пупи къ Двинѣ, надобно перей-
ти *волокъ* (15); слѣдовашельно все то,
что находишся за Онегою, должно ес-

(13) Тамъ же стр. 68. Словарь Россійск. Академіи стр. 770.

(14) Напеч. въ С. П. Б. 1809 года. стр. 22.

(15) *Пространство между двухъ судоходныхъ рѣкъ —*

Тамъ же.

пешвенно называшься *завологьемь*., Но какъ Шлецеръ, такъ и Г. Арцыбышевъ, опустили здѣсь то, что слово *волокъ* имѣеть два различныя значенія: кромѣ того, что оно означаетъ пространство между рѣками, гдѣ должно перевозить суда по сухому пути, симъ именемъ называются дальніе переѣзды чрезъ лѣса (16), или лѣсистыя и необитаемыя мѣста, гдѣ на великомъ разстояніи нѣтъ жилищей (17), каковое названіе употребляется и нынѣ для такихъ мѣстъ, по крайней мѣрѣ сколько мнѣ извѣстно, въ нѣкопорокихъ мѣстахъ сѣверной полосы Россіи. — Слѣдственно мѣсто Заволоческой Чуди отдѣлялось отъ Новгородскаго округа или рѣками, или лѣсами; но какъ то и другое можетъ быть справедливо, то постараемся историческими происшествіями рѣшить, что должно здѣсь разумѣть подъ словомъ *волокъ*.

„Въ лѣто 6850 (1342) Лука Вареломеевъ не послушавъ Новагорода поѣха за Волокъ на Двину, и постави городъ Орлецъ, и скопивъ Емчанъ, взя

(16) Ташицева Исп. кн. II. стр. 167.

(17) Лепехина путешествія ч. III. стр. 202. — Засѣцкаго извѣстія о Вологдѣ стр. 21.

землю Заволоческую по Двинѣ, всѣ по-
госпы на щипь. Въ поже время сынъ
его Анцыфоръ опходилъ на Вагу (*у Та-
тищева, можеть бысть ошибкою, сказано,
на Волгу*); Лука же въ 200 человекъ
выѣха воевать, и убиша его Заволо-
чане., (18)

„Въ лѣто 6906 (1398) Новгородцы....
ходиша за Волокъ рашю...., а всего
воинства было съ ними 3000 (*по Двин.
лѣтоп., а по Архангелогор. 8000*), и по-
воеваша Бѣлоозерскія волости, и
Кубенскія волости и Галическія (для за-
воеванія коихъ *по Архангел. лѣтоп. от-
дѣлено было 3000 человекъ*) взяша на щипь,
и Успюгъ (къ коему *по Арханг. лѣтоп.
пришли въ соймахъ ш. е. водою*) повоевавъ
пожгоша, и подъ Орлецомъ городкомъ
спояша мѣсяць, бьючи пороки. Заволо-
чане же съ городка убиша Левушку дич-
ного. Новгородцы же взяша Орлець горо-
докъ, скопаша и разгребоша., (19)

„Въ лѣто 6909 (1401) Князя великаго
Василія Дмиспреевича повелѣніемъ Аиѳаль

(18) Двинск. лѣтоп. стр. 116. — Ташиц. Исп. кн. IV.
стр. 150.

(19) Двинск. лѣтоп. стр. 117. — Архангелог. лѣт. стр.
98. — Таш. Исп. кн. IV. стр. 391.

Никишинъ да брашъ его Герасимъ Рострига съ Успюжаны (*Великаго Князя съ ратию по Двинск. лѣтоп.*) на Двинскую землю за Волокъ наѣхавъ безвѣспно повоевали, и посадниковъ изпоимали. И посадники Важьскіе съ Важаны скопившеся, и придоша на нихъ на Колмогорахъ и бищася съ ними, и выбиша боярь Новгородскихъ и разыдошася., (20)

„Въ 1169 г. Двиняне отпрѣкшись плашпъ дань Новгороду предались подъ зашпшу Великаго Князя Владимирскаго Андрея Боголюбскаго; почему Новгородцы послали опъ себя Данислава Лазушанича съ 400 людей для взятія съ нихъ дани. Напрошивъ и опъ Князя Андрея послано было для подкрѣпленія Двинянь 7000 человекъ, кошорые съ обѣихъ сторонъ вспрѣшлились на Бѣлѣ озерѣ и имѣли сраженіе нещасливое для Двинянь (21). „ Въ лѣпо 6677; иде Даньславъ Лазушаничъ за Волокъ данникомъ съ дружиною; и присла Андрей пѣлькъ свой нань, и бищася съ ними; и бѣже Новгородць

(20) Арханг. лѣш. стр. 102. — Двинск. лѣш. стр. 118. — Там. Исп. кн. IV. стр. 407.

(21) Щербашова Росс. Исшор. т. 2. кн. 6 стр. 321.

400, а Суждальць 7000, и пособи Богъ Новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а Новгородць 15 мужь., (22) Ташищевъ повѣствую о семь произшесствіи съ нѣкоторою разностью, говоритъ однако, что оба опряда имѣли сраженіе на Бѣль озерѣ (23).

Сии мѣста лѣтописей и нѣкоторыя иныя, кои за крашкосью сего замѣчанія не привожу, побуждають думать, что Волокъ, за коимъ имѣла селѣнія Заволоцкая Чудь, не есть пространство между Водлою и Онегою, но болѣе приближенное мѣсто къ Бѣлоозеру; ибо вовсе не вѣроятно, что бы Новгородцы по пути, предположенному Г-мъ Арцыбыщевымъ и ни чѣмъ недоказываемому, ходили чрезъ волокъ его на Бѣлоозеро, къ которому, какъ явствуетъ изъ приведенныхъ мѣстъ, направляемы были движенія войскъ Новгородскихъ, посланныхъ на Заволочье. Сверхъ сего лѣтописи говорятъ о походахъ на Заволочань, имянно упоминають о городахъ или селѣніяхъ, сему племени принадлежавшихъ, или съ онымъ

(22) Лѣтописецъ Новгородскій отъ 1017 до 1358 г. Печ. въ Москвѣ 1761 г. стр. 37 — 8.

(23) Ташищева Исп. кн. III. стр. 173. —

сосѣдственныхъ, какъ по: Орлець, хоши уже нынѣ и несуществующемъ, Холмогорахъ, Устюгѣ, Вельскѣ, Бѣлозерѣ и даже Кубенскихъ волостяхъ (24), и ни слова не говоря о мѣспахъ, на пупи Г-на Арцыбышева находящихся, ни о водахъ, кои могли бы подасть поводъ къ важнымъ приключеніямъ, каково озеро Ладожское въ особенноти и Онежское, переѣздъ чрезъ кои запруднишелень и опасень. Сверхъ того сооруженіе судовъ, пошребныхъ для сего пущи, могло бы бышь всегда обременительнень, а переволакиваніе оныхъ еще болѣе. Еслиже присокупить къ сему еще мѣспныя обстоятельствова нынѣшней Олонецкой губерніи, чрезъ кошую предположенъ пущъ Г-мъ Арцыбышевымъ, и Новгородской, чрезъ кошую сухимъ пущемъ должно проходитьъ къ Бѣлуозеру и далѣе въ нынѣшнюю Вологодскую губернію; по предположеніе Г-на Арцыбышева еще болѣе, по мнѣнію моему, перяешъ свою вѣроятносшь. Соображая же все сіе, кажешъся, съ большею основательносшю слѣ-

(24) Онъ же кн. I: стр. 313 говоритъ, что въ сѣранѣ Двилянъ градъ древній Колмогардъ, а послѣ Рускими пошребены: Тощма, Вага, наконецъ Архангельскъ.

дуешь разумѣшь подѣ именемъ изслѣды-
 ваемаго нами *волока* проспранспво'меж-
 ду Ладожскимъ и Бѣлымъ озеромъ, ко-
 порое чрезъ впадающія рѣки, по свидѣ-
 шельству Тапицева (25), именуется въ
 Новгородской исторіи *волокомъ*. Но какъ
 и сіе объясненіе подлежитъ нѣкопоро-
 му сомнѣнію опъ того, что Тапицевъ
 не показываешь, въ какой Новгородской
 исторіи и гдѣ упоминается сей *волокъ*,
 за коимъ бы съ досповѣрностію можно
 было полагаешь мѣсто Заволоческой Чу-
 ди, опличаемой нѣсколько Исторіею опъ
 Двинянь или Двинскаго собсвенно
 племени (26); по я смѣю изложитъ о
 семь предметѣ мое мнѣніе и подшвер-
 дитъ оное возможными для меня дока-
 запельствами.

Между различными оспашками древ-
 ности, до нашего времени уцѣлѣвшими
 въ Вологодской Губерніи, опъ города Во-
 логды во 120, а опъ большой Архангело-
 городской дороги въ 10 верспахъ, при
 рѣкѣ Сянжемѣ ешь земляный валь, имѣ-

(25) Тапицева же Росс. Истор. кн. II. стр. 468, При-
 мѣчаніе подѣ No. 388.

(26) Двинской лѣтоп. въ Опытѣ Труд. Болыи. Россійск.
 Собр. ч. I. стр. 121.

ющій видъ городского укрѣпленія, около сажени вышиною, — копорыи шамошніе жишели называюшъ *Чудимолъ* или *Чуднымъ* городомъ (27), и по словесному преданію, изъ поколенія въ поколеніе переходившему съ неизвѣснаго времени, сказываюшъ, что шамъ жила, нѣкогда какая-то *Чудь*. — Въ той же споронѣ ешъ особенный, шакъ сказашь, округъ, именуемый издавна *Завологьель* — Между шѣмъ лѣшописъ Спасокаменнаго монашья, на каменномъ островѣ Кубенскаго озера бывшаго, повѣшвуешъ, что до основанія еще онаго около 1260 года Бѣлозерскимъ Княземъ Глѣбомъ Васильковичемъ, найдены имъ были на семь островѣ 23 пуспынножишельспвующихъ старца, кои, давно уже поселившись на онѣмъ, занимались обращеніемъ въ православную вѣру нашу *Чудскихъ* и *Карельскихъ* племень, около сѣверовосточнаго наипаче края Кубенскаго озера жившихъ (28); опкуда явспвуетъ, что *Завологеская Чудь*,

(27) Извѣстія о Вологдѣ Засѣцкаго, печ. въ Москвѣ 1780 г. стр. 21.

(28) История Россійской Іерархіи. Москва 1812 г. Томъ IV. стр. 329.

насълявши въ древности довольно значную часть нынѣшней Вологодской Губерніи, кромѣ Архангельской и Олонецкой, простиралась, если не до самаго города Вологды, но, по крайней мѣрѣ, до Вологодскаго уѣзда, по направленію къ Вологдѣ ошь сѣвера. Поколикуже ближе сего мѣста къ Новгороду испорики не показывающъ уже селеній Заволоцкой Чуди, упоминая о жившемъ въ древности около Бѣлаозера особенномъ племени подъ именемъ *Вѣси* (29), въ лѣвую спорону ошь Кубенскаго озера; а между Ладожскимъ и Онежскимъ озеромъ или по берегамъ оныхъ, пакже объ особенномъ подъ названіемъ *Еми* (30), и ограничивая

(29) Тапищева Росс. Истор. кн. II. стр. 6. — Шлецеръ Неспоръ ч. I. стр. 185.

(30) Его же Росс. Истор. кн. I. ч. 2. стр. 525. — Шлецеръ въ Неспорѣ ч. I. стр. 85, 86, помѣстилъ *Еми* или *Ями* около нынѣшняго Ямбурга, не показывая впрочемъ, откуда онъ заимствовалъ сіе мнѣніе. Тапищевъ, помѣщая *Еми* въ мѣстѣ, мною приведенномъ, хотя пакже умалчиваетъ объ источникѣ своего мнѣнія: но находя въ лѣтописяхъ, что *Еми* принадлежала къ Заволочью, и что она составляла отличное ошь Заволочанъ племя, съ основательностію, кажется, полагающъ можно, что она была съ Заволоцкимъ племенемъ смѣжна; а по сему слова

съ сей спороны Заволочанъ Карелією: по изъ сего слѣдуешь, что пограничная черта Заволоческой земли проспиралась съ южной спороны опъ Кубенскаго озера къ востоку параллельно съ лѣвымъ берегомъ рѣки Вологды и Сухоны къ великому Успюгу, или началу сѣверной Двины. Далѣе же изъ вышесказаннаго заключишь слѣдуешь, что *волокъ*, за которымъ обитало изслѣдываемое мною особенное Чудское племя, находился по сю спорону упомянутой южной пограничной черты, по направленію опъ Кубенскаго озера къ рѣкѣ и городу Вологдѣ; а можешь бышь и все пространство опъ сего города до Кубенскаго озера было называемо въ древности *волоколѣ*, къ подтвержденію чего можешь, если не ошибаюсь, служишь слѣдующія доказательства. — Хотя и не извѣстно, при самомъ ли началѣ города Вологды, и почему, дано оному сіе названіе: но извѣстно изъ жишія Пр. Герасима, пришедшаго въ оный въ

Талпищева, по моему мнѣнію, заслуживающъ большее вѣроятіе. — Можешь бышь однако, было еще племя, подъ одинаковымъ названіемъ съ сею Емью въ другомъ мѣстѣ жившее и не различенное лѣшописцами. —

1147 и шамъ скончавшагося въ 1178 году, что на мѣстѣ онаго находился *великой лѣсѣ* по правому берегу рѣки Вологды (11). Изъ чего хощя и не слѣдуетъ еще заключать, что бы сіе мѣсто было *волокъ*, кошорый впрочемъ можно разумѣшь подъ названіемъ *великаго лѣса*; но лѣвая спорона рѣки Вологды, обильная большими лѣсами, и самый берегъ оной въ городѣ Вологдѣ, до XVI, если еще не позже, спольпія, собственно называвшійся *волокомъ*, (по коему до сихъ поръ, на мѣстѣ срѣшенія возвращеннаго по взятіи Казани образа Пр. Димитрія Прилуцкаго, построенная церковь, носитъ имя Пр. Димитрія на *волоку*) служилъ доказательствомъ мною сказаннаго. Кромѣ сего мнѣніе мое подтверждается, если не обманываюсь, тѣмъ еще, что лѣвая спорона рѣки Вологды, или, иначе сказать, пространство оной между сею рѣкою и Кубенскимъ озеромъ, обилуя большими лѣсами, пересѣкается разными поперечными рѣками; а сверхъ того и тѣмъ еще, что изъ Кубенскаго озера судоходная рѣка Сухона, окольною общ-

(31) Извѣстія о Вологдѣ, Засѣцкаго. М. 1780 стр. 28.

венно называемая, до XIV спольшия не имѣла съ судоходною же рѣкою Вологдою удобнаго для судоходства сообщенія, какъ по видно изъ вышеприведенной мною лѣпописи Спасокаменнаго монастыря (32). Сіи обстоятельство, вмѣстѣ взяшья, сполько, по мнѣнію моему, сооществуютъ разнымъ понятиямъ о словѣ *волокъ*, что, кажешся, дають неопъемлемое право на названіе *волока* лѣвой споронѣ рѣки Вологды, копорая вмѣстѣ съ соименнымъ себѣ городомъ, по всему вѣроятію и по мнѣнію нѣкопорыхъ писателей нашихъ, заняла ошъ онаго свое наименованіе. — Сверхъ сихъ обстоятельствъ есть еще одно, заслужи-

-
- (32) Истор. Россійской Іерархіи. М. 1812. т. IV. стр. 330. Примѣч. — См. также извѣстія о Вологдѣ, стр. 34. — Г. Фризъ, въ *извѣстіяхъ, служащихъ къ топографическому описанію Вологодской Губерніи*, напечатанныхъ въ т. III. час. I. Технологическаго Журнала Имп. Академіи наукъ, 1806 года, говоритъ на стр. 7, что для облегченія судоходства въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сухона соединяется съ Вологдою, по пригласенію весьма излущистаго ея теченія, проведенъ каналъ по Указу Петра I: но изъ лѣпописи Спасокаменнаго Монастыря видно, что по симъ рѣкамъ судоходство облегчено было первоначально Вѣлосерскимъ Княземъ Глѣбомъ Васильковичемъ.

вающее особенное вниманіе въ отноше-
 ніи къ предположенной мною границѣ
 Заволочья. При рѣкѣ Вологдѣ въ 3 и 90
 версахъ отъ города, доселѣ существую-
 ютъ оспанки не извѣстно когда стро-
 енныхъ, но древнихъ земляныхъ укрѣп-
 леній, копорыя побуждають думать, что
 владѣтельный Новгородъ, или же Мос-
 ковское Княженіе, защищали оными пра-
 вый берегъ рѣки вѣрно не отъ друзей
 своихъ, но отъ шѣхъ безпокойныхъ и
 упорныхъ сосѣдей, кои жили за лѣвымъ
 берегомъ оной, или Двиною и Сухоною
 могли приходивъ въ Вологду, до XV поч-
 ти столѣтія непрерывно составлявшую
 часть Новгородскаго владѣнія, — по естѣ-
 ствѣ обитателей Заволочья, не далеко
 отъ Вологды имѣвшаго предѣль свой. —
 Историческія воспоминанія о походахъ
 Новгородцевъ за *волокъ*, выше мною при-
 веденныя, также, кажется, не противо-
 рѣчаютъ предположенію моему о мѣстѣ
 сего *волока*. — Соображая же все сіе *За-
 воложье* должно почищать проспран-
 ство по ту сторону Бѣла озера, Кубен-
 скаго, и рѣки Сухоны находящееся, съ
 прочихъ сторонъ ограничиваемое, какъ я
 приводилъ выше, Двиною, Бѣлымъ моремъ,

Лапландію и Карелію; а допуская споль значную обширность земли, нѣкогда насѣленную Заволоческимъ племенемъ, ясно видѣшь можно, опъ чего племя сіе могло собирашь довольно многолюдныя и сильныя по погодашнему времени ополченія, и плащшь великіе налоги.

Впрочемъ еслибъ была или могла бышь доказана справедливость словъ Тащицева, еслибъ *волокъ*—предѣль Заволоческой спраны—находился между Ладожскимъ и Бѣлымъ озеромъ: погда южная граница Заволочья, проспираясь опъ Кубенскаго позади Бѣлаозера къ Ладожскому на западъ, содѣлывала бы проспранство земли Заволочанъ еще обширнѣе, но закрыла бы собою Карелію; слѣдственнно не могла бы далеко проспираться по сказанному направленію опъ Бѣла озера, около коего однако признаки бывшаго шамъ *волока* еще никѣмъ не найдены до сихъ поръ, ни въ сторону къ Ладожскому озеру, ни къ Онежскому.

А. Флѣровъ.

О Комедіи.

(Изъ словаря Древней и Новой Поэзіи, собраннаго Н. Осиполоповымъ.)

Комедія есть предложенное въ дѣйствіи подражаніе нравовъ, пороковъ, обыкновеній, странностей видимыхъ между людьми.

Опличительное свойство Комедіи заключается въ искусствѣ смѣшить зрителей, какъ самымъ разположеніемъ произшествій, такъ и острими изрѣченіями; а предметъ ея состоитъ въ томъ, чтобы, показывая намъ смѣшныя странности и погрѣшности другихъ людей, исправлять чрезъ то насъ самихъ, подъ опасеніемъ подобнаго осмѣянія. *Ridendo castigat mores.*

Исторія Комедіи.

Происхожденіе Комедіи покрыто такою же мрачною завѣсою, какъ и происхожденіе Трагедіи; однакожь утвердительно можно сказать, что трагедія древнѣе комедіи, потому что Греки доводили уже первую до совершенства въ то время, какъ послѣдняя была еще опъ онаго весьма далеко.

Имя перваго между Греками коми-чискаго писателя неизвѣстно. Горацій упоминаеть о прехъ: о *Евполисъ*, *Кратиносъ*, *Аристофанъ*, и присовокупляеть, что какъ сіи, такъ и другіе упражнявшіеся въ ономъ родѣ, осмѣивали пороки и даже лица съ чрезвычайною вольноспію. Изъ сего видно, что упоминаемые Гораціемъ авторы не одни были, и не первые.

Греческую Комедію раздѣляють на *древнюю, среднюю и новую*.

Древняя, копорую Горацій почи-паеть показавшеюся послѣ Есхила, п. е. около 82 Олимпіады, представляла извѣстныя и подъ собственымъ ихъ именемъ лица, съ подражаніемъ ихъ спранноспіямъ и порокамъ. Сія вольноспь возрасла наконецъ до такой степени, что Полководцы, Градоначальники, Философы, Ораторы, сдѣлались предметомъ и жерпвою сихъ безжалостныхъ Саширь; даже самое богослуженіе много опъ нихъ терцѣло.

По введеніи Аристокрапическаго правленія законы возпали пропиву сей вольности: запрещено было называть на шаепрѣ кого либо собственымъ именемъ. Однакожь спихопворцы скоро на-

шли средство избѣгать сего принужденія: сходство мазокъ, одежды, шѣлодвиженій, голоса, означало такъ хорошо осмѣиваемыхъ людей, что называли ихъ по имени при первомъ взглядѣ. — Такова была Комедія называемая *Среднею*.

Аристофанъ, къ спыду Аѳинянь, опличался въ обоихъ сихъ родахъ.

Наконецъ правительство обратило вниманіе и на сію неблагоприспѣйность; оно запретило представлять истинныя прозешесвія и изгнало съ Театра всякую личность. Тогда спикопворцы увидѣли себя принужденными изобрѣшашъ и премешы для своихъ комедій и имена дѣйствующихъ лицъ, что очисшило и обогатило театръ; ибо комедія прешшла тогда бышь Мегерою, вооруженною факелами, а сдѣлалась пріятнымъ и невиннымъ изображеніемъ чловѣческой жизни. — Съ сего началась Комедія *Новая*.

Меандръ превосходиль всѣхъ прочихъ писателей въ семь родѣ и служиль имъ образцомъ.

Кажешся, во всей Греціи одни только Аѳины имѣли настоящую комедію; неизвѣспно, до котораго времени она шамъ продолжалась. Съ прочими иску-

спвами перешла она (по словамъ Сульца) въ Римъ, въ продолженіи 135 Олимпіады, т. е. около 514 года по поспроеніи Рима. Ее упопреляли при священнхъ празднествахъ и, по свидѣльству Тиша Ливія, почитали средспвомъ къ умилоспвленію Боговъ. *Ludi scenici inter alia coelestis irae placamina instituti dicuntur.*—Первыми между Римлянами Комическими стихопворцами почитаются *Ливій Андроникъ*, *Наконисъ* и напослѣдокъ *Енній*: они въ одно время были и авшорами и Акперами. Расположеніе ихъ комедій не извѣстно. Цицеронъ говоритъ однакожь, что пворенія Ливія не могли бытъ чипаны два раза. *Livianae Fabulae non satis dignae, quae iterum legantur.* Еннію послѣдовали Плавтъ и Цецилій, кои также, какъ бывшій послѣ нихъ Теренцій, брали свои комедіи изъ Греческаго Театра, предлагая ихъ въ вольномъ переводѣ. Въ царспвованіе Августа прославился Комедіями стихопворецъ Афраній, но до насъ не дошло ни одно изъ его сочиненій. Онъ только пѣмъ опличался опъ Теренція, что избиралъ для своихъ комедій Римскія лица.

У Римлянъ комедія имѣла разныя названія, смотря по разнымъ обспояшельспвамъ, ниже сего слѣдующимъ:

1) Комедіи, называемыя *motoriae*, были шѣ, въ кошорыхъ все происходило въ дѣйствіи, какъ на примѣръ въ Плавшовомъ Амфишпріонѣ.

2) Комедіи *togatae* назывались ошъ того, что предспавлявшіе въ нихъ Акшеры имѣли на себѣ шогі. Сіи раздѣлялись еще на *togatae tabernariae* и *atellanae*.— Называемыя *togatae* занимали средину между *pretextatae* и *tabernariae*, и были прошивоположны комедіямъ *palliatae*. Сей родъ комедіи обязанъ произхожденіемъ Шефанію. — (Примѣч: Тога была одежда Сенашоровъ, происходящихъ ошъ рода Папшрикіевъ. Претекстою называлась одежда съ широкими рукавами и съ широкую по поламъ и по подолу опушкою багрянаго цвѣша; ее носили градоначальники.)

3) Комедіи *atellanae* получили названіе ошъ города Ашеллы. Онѣ опличались вольноспію и даже неблагооприсшойноспію, раздѣлялись на акпы, и заключали въ себѣ музыку, паншомимы и пляску.— Свешоній въ сочиненіи о славныхъ грам-

машикахъ говорить, что изобрѣшашелемъ сей комедіи былъ Мелиссъ, Меценатовъ библіотекаръ; другіе полагають, что комедіи *atellanae* представляемы были не насмѣящими актерами, а молодыми людьми изъ гражданъ; что онѣ состояли изъ однѣхъ шутокъ, называемыхъ Экзодіями, и что Мелиссъ далъ имъ только лучшее образованіе.

4) Комедіи *tabernariae* имѣли предметомъ подражаніе нравамъ проспаго народа, и назывались такъ пошому, что на театрѣ представляемы были пишеиные дома и прочія подобныя мѣста (*taberna*). — Афраній и Еяній опличались въ семь родѣ.

5) Комедіи *palliatae* имѣли содержаніе почерпнутое изъ греческихъ обычаевъ и назывались такъ отъ того, что актеры въ оныхъ имѣли греческія маншіи *pallium*. Сии сочиненія назывались еще *crepidae*, по имени обыкновенной греческой обуви.

6) Комедіи *pretextatae* были шѣ, въ которыхъ содержаніе и лица заимствуемы были изъ сословія, имѣвшаго право носить *toga pretexta*.

7) Комедіи *trabeatae*, которыхъ изобрѣшеніе приписываютъ Каію Мелиссе,

предспавляли славныхъ рыцарей. Актеры въ оныхъ были одѣны *in trabeis*. — (Примѣч: *Трабея* была одежда консульская во время мира, копорую надѣвали также полководцы, поржеспивующіе послѣ войны одержанныя ими на полѣ брани побѣды.)

8) Комедіи *planipediae* получили названіе или опъшого, что Акперы играли въ нихъ съ голыми ногами, или, по мнѣнію другихъ, опъ шеапровъ, въ копорыхъ были для зршпелей яруссы (*plain-pied*).

9) Комедіи *statariae* заключали много разговоровъ и мало дѣйспвія, какова на примѣрь Теренціева комедія *Несуре*.

10) Комедіи *mixtae*, сложныя, были шѣ, въ копорыхъ одна часпъ происходила въ повѣспвованіи, а другая въ дѣйспвіи. Римляне говорили, что сіи комедіи были часпю *statariae* и часпю *motoriae*, и приводили въ примѣрь Теренціева *Евнуха*.

11) Комедіи *Rhintonicae*, названныя по имени изобрѣшашеля ихъ Ринтона, заключали въ себѣ нещаспныя какія либо приключенія, и назывались еще *Hilaro-Tragedia*, *Latina comedia*, или *comedia italica*.

Такова была Комедія у двухъ знаменитѣйшихъ народовъ. —

О началѣ новѣйшей Комедіи ничего не извѣстно; можно только предполагать, что въ Италіи сохранялось всегда нѣкоторое воспоминаніе о Комедіи Римской, и что тамъ она по возрожденіи наукъ начала мало по малу приближаться къ прежнему своему совершенству; впрочемъ, говоритъ Сульцеръ, неспойтъ и пруда искаптъ ее далѣе XVI вѣка, ибо извѣстно, что и въ семь вѣкѣ, даже у просвѣщеннѣйшихъ народовъ были однѣ только грубыя *Фарсы* (шуповскія представленія), безъ малѣйшаго вкуса и правильности.

Что касается до Комедіи Россійской, то едвали извѣстно было въ Россіи и названіе Комедіи прежде Царя Алексѣя Михайловича. При немъ Бояринъ Аршамонъ Сергѣевичъ Машвѣевъ выпросилъ дозволеніе приѣхавшей въ Россію одной иностранной труппѣ Актеровъ представитъ нѣсколько театральныхъ сочиненій, и въ *розрядныхъ запискахъ* 1676 года написано о семъ слѣдующими словами: „была комедія въ преобрраженскомъ; пѣщили Великаго Государя

„иноземцы, какъ Алаферна Царица Царю
 „голову опсѣкла (ш. е. надлежала бы
 „сказашь: какъ Царица Юдифь Царю Оло-
 „форну голову опрубила) и на органахъ
 „играли Нѣмцы, да люди дворовые Боя-
 „рина Аршемона Сергѣевича Машвѣва.
 „Тогожь года другая комедія шамъ же
 „какъ *Артаксерксѣ* велѣль повѣсись *Ала-*
 „*на*, и въ органы играли, и на фіолахъ
 „и въ спруменшы и танцовали. Въ шре-
 „шіе шамъ же пѣшили великаго Госу-
 „даря на заговѣнье Нѣмцы и люди
 „Аршемона Сергѣевича на органахъ и на
 „фіолахъ и на спруменшахъ и танцова-
 „ли, и всякими пошѣхами разными., —
 Всѣ сіи предспавленія были первыя въ
 Москвѣ, и по не на рускомъ языкѣ. Уже
 при Царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ появились
 первыя Славенорускія шеаіпральныя со-
 чиненія, предспавленные въ новозавѣден-
 ной при немъ же Академіи въ Законо-
 спаскомъ монаспырѣ, а попомъ и при
 дворѣ. Сочинишелемъ сихъ комедій (по-
 жожихъ болѣе на нынѣшнія драмы) былъ
 Іеромонахъ Симеонъ Полошскій, воспи-
 шанникъ Академіи Кіевской и учишель
 Царя Θεодора Алексѣевича; онѣ до нынѣ
 рукописными сохраняюшя въ Паптріар-

ней библиотекъ между сочиненіями Полопскаго, а двѣ, первая *о блудномъ сынѣ*, и вторая *о Царѣ Навуходоносорѣ и трехъ отроцѣхъ въ пещи*, напечатаны въ VIII части Древней Россійской Вивліюеки (изд. 2. М. 1789). При семь же Государѣ переведена была на Славянскій языкъ первая *недуховная* комедія изъ Мольера *Врагъ противу воли* (*médecin malgré lui*) и была играна приватно при дворѣ Царевною Софьею Алексѣевною съ благородными дѣвицами и мущинами.— Въ царствованіе Государя Пешра I сочинены были Законоспаскими учителями многія духовныя и недуховныя комедіи, и представлены при разныхъ шоржесственныхъ случаяхъ. (Нѣкоторыя изъ нихъ находящіяся въ IX части древ. Рос. Вивліюеки, а иныя печатаны особо.) Сіе послужило поводомъ, что въ *Духовномъ Регламентѣ* 1722 года предписано было Семинаріямъ по нѣскольку разъ въ годъ для увеселенія учениковъ заспавлять ихъ представленьемъ комедіи.— Съ сего времени на придворныхъ театрахъ играны были по большей части иностранныя сочиненія. Около 1748 года кадеты въ Сухопутномъ Корпусѣ начали играть

Рускіе діалоги, представляли иногда въ присутствіи самой Императрицы и могли ей понравиться. Тогда Сумароковъ началъ помышлять о распросраненіи вкуса къ опечесивеннымъ представленіямъ и, можно сказать, онъ первый образовалъ нашу комедію, равно какъ и Трагедію. За нимъ послѣдовали Фонъ Визинъ и Княжнинъ, изъ копорыхъ послѣдній такъ удачно умѣлъ пользоваться Авпорами иноспранными, что въ самыхъ подражаніяхъ своихъ дѣлался оригиналомъ.

Примѣт: Въ числѣ сочинителей духовныхъ комедій или драмъ почищаются: Св: Димитрій Митрополисъ Росповскій, писавшій оныя во время пребывания своего въ Кіевской Академіи; Теофанъ Прокоповичъ и Георгій Конискій, когда были въ упомянутой Академіи учениками.

О разности между Комедіи и Трагедіи, изъ Баттё.

Трагедія подражаетъ изящному, величественному; Комедія подражаетъ смѣшному. Одна возвышаетъ душу и образуешь сердце, другая чиститъ нравы

и исправляешь спранныости. Трагедія смягчаешь насъ посредствомъ состраданія и удерживаешь посредствомъ страха; Комедія снимаешь съ насъ личину и представляешь намъ зеркало, гдѣ можемъ ясно себя видѣть. Трагедія не заставляешь смѣяться, ибо опъ безразсудныхъ поступковъ знаменимыхъ людей происходятъ несчастія (*quidquid delirant Reges, plectuntur Achivi*); Комедія смѣшишь, потому что глупости маленькихъ людей не иное что суть, какъ глупости: послѣдствія оныхъ не опасны.

Комедию такъ опредѣляютъ: Дѣйствіе вымышленное, въ которомъ представляется смѣшное, съ намѣреніемъ оное исправить. Въ дѣйствіи прагматическомъ заключается по большей части истина, по крайней мѣрѣ имена берутся изъ Исторіи; но въ комедіи все вымышлено. Сочинитель полагаетъ основаніемъ чтонибудь правдоподобное, и сего достаточнo — потомъ созидаетъ по своему произволению, шворитъ дѣйствіе, лица, умножаетъ ихъ по представляющейся надобности, называетъ какъ хочешь, и никто не можетъ упрекать его

Въ Комедіяхъ, также какъ и въ другихъ драматическихъ сочиненіяхъ, надлежитъ наблюдать расположеніе и цѣль, единство дѣйствія или происшествія, единство времени и единство мѣста, узелъ и развязку. — Комедія раздѣляется также на акты или дѣйствія, на сцены или явленія. (см. Драма) Пишется прозою и стихами; слога пребуешь прозаго, или лучше сказать, сообразнаго съ содержаніемъ и дѣйствующими лицами.

Автору Комедіи болѣе всего надлежитъ сохранять правдоподобіе и стараться, чтобы дѣйствующія лица, какъ въ поступкахъ своихъ такъ и въ рѣчахъ, казались *натуральными*: ибо онъ имѣеть непремѣнную обязанностью заставить зрителя забыть, что находится въ Театрѣ, заставить думать, что видитъ не произведеніе искусства, а дѣйствительное происшествіе.

Комедія пребуешь также, чтобы все было въ ней привлекательно. Хотя не возможно предполагать равной живости и равной красоты въ продолженіи всего сочиненія, ибо необходимо должны быть сцены (явленія) и лица, немогущія плѣнять наравнѣ съ другими, однакожь

надобно стараться, чтобы и сіи слабѣйшія частши, каждая по мѣрѣ своей, привлекали и возбуждали вниманіе зрителей.

*О способѣ очищать воздухъ и из-
треблять заразу.*

Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно куре-
ніе *минеральными кислотами*, особливо
соляною, просвѣщенные Химики не со-
мнѣваются уже, что найдено наконецъ
вѣрное средство не только очищать воз-
духъ, но и изстреблять *заразу*, произво-
димую гніеніемъ органическихъ, особли-
во живоныхъ плѣлъ. Первые два слав-
ныхъ опыта, сдѣланные въ 1773 году Ги-
пономъ Морво въ Дижонѣ, уже доста-
точно увѣрили, сколь дѣйствительно и
сильно сіе спасительное средство. Зна-
менитый Химикъ въ одни сутки изстре-
билъ заразу сперва въ церкви, а потомъ
въ шюрмѣ. Въ церкви опъ гніенія мерш-
выхъ плѣлъ, накопленныхъ въ погребаль-
ныхъ пещерахъ, открылся несносный за-
пахъ и въ короткое время такъ усилил-
ся, что нельзя было продолжать службы.
Къ изстребленію заразительнаго запаха
употреблены были всѣ извѣстные до-
полъ способы; курили уксусомъ и раз-
ными благовоніями, какъ то душистыми
травами, смолами и пр., жгли селиш-
ру, прыскали полъ *уксусомъ четырехъ*

разбойниковъ, и ничто не помогало. Запахъ усиливался и наконецъ разпространился въ ближніе дома, въ копорыхъ начали уже открываться и признаки заразительной горячки. Гипонъ Морво одинъ только разъ накурилъ въ церкви *соляною кислотою* и на другой день въ ней нисколько уже не было слышно запаха, а чрезъ четыре дня, безъ всякой опасности, опять начали продолжать службу. — Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ открылась попомъ въ тюремъ заразительная горячка и въ короткое время лишила жизни 31 человекъ. Въ одной комнатѣ разираспранилось такое зловоніе, что всѣ находившіеся около ней думали, что тамъ оспалось и гніесть мертвое тѣло. Сколько ни употребляли обыкновенныхъ способовъ, все было безъ успѣха: сожгли при связки соломы и нисколько не поправили воздуха (*). Но Гипонъ Морво однажды только накурилъ *соляною кислотою*, и весь отвратительный запахъ исчезъ въ сушки, а скоро попомъ и горячка пресѣклась.

(*) Гипонъ Морво особенно замѣчаетъ сіе для того, что бы показать, что огонь не изстребляетъ въ воздухѣ заразы.

Извѣстіе о сихъ опытахъ повсюду было во многихъ журналахъ и подтверждено множествомъ другихъ сполькоже важныхъ опытовъ, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ нѣкоторыхъ государствахъ.

Въ 1794, по повелѣнію Національнаго Французскаго Конвента, ко всѣмъ Военнымъ Французскихъ Коммисарамъ, Медицинскимъ чиновникамъ и смотрителямъ военныхъ госпиталей разослано печатное подробное наставленіе о механическихъ (*) и химическихъ способахъ предупреждать и очищать заразу воздуха въ больницахъ. Въ числѣ химическихъ способовъ куреніе *соляною* кислотою поспавлено первѣйшимъ, и успѣхи онаго называлъ Медицинской совѣтъ *чудесными*.

Между тѣмъ въ 1780 году въ Англіи Докторъ Шмитъ испыталъ щасливое дѣйствіе куренія *селитреною* кислотою. Онъ первый сдѣлалъ опытъ надъ симъ способомъ куренія въ Винчестерской госпитали, гдѣ между плѣнными Испан-

(*) *Механическія* средства состоятъ въ перемѣнѣ компаннаго воздуха наружнымъ посредствомъ вентилляторовъ, проводныхъ трубъ и топки печей, или каминовъ.

цами открылась сильная повальная горячка, и получилъ желаемый успѣхъ. Въ 1795 году сей опытъ повторень былъ въ Шернесѣ на госпитальномъ кораблѣ *Уніонъ* и другихъ нѣкопорыхъ судахъ соединеннаго Россійскаго, и Англинскаго флота, на копорыхъ открылась заразительная госпитальная горячка; оны произвелъ желаемое дѣйствіе. Заразительная горячка, усиливавшаяся со дня на день, прекращена была помощію сего куренія въ нѣсколько недѣль. За сіе открытіе Парламентъ опредѣлилъ въ награжденіе Доктору Шмишу пять тысячъ фуншовъ стерлинговъ (*).

Съ того времени куреніе *минеральными кислотами*, особливо *соляною*, опытъ Химиковъ признано совершенно достаточнымъ и единственнѣйшимъ способомъ къ изстребленію заразы, и знаменитый Докторъ Ролло, дѣлавшій самъ многіе опыты надъ симъ способомъ куренія, даже о *моровой язвѣ* смѣло сказалъ, что, *при нынѣшнемъ состояніи познаній, она не можетъ уже раждатся и распро-*

(*) Что на наши деньги, по среднему курсу, составляетъ сорокъ тысячъ рублей.

страняться, развѣ по совершенному нераденію (*).

Въ 1801 году Гипонъ Морво издалъ проспранную книгу *о средствахъ очищать воздухъ и отвращать, или прекращать заразу* (**). Здѣсь описалъ онъ важнѣйшіе опыты, дѣланные надъ разными средствами и копорые неоспоримо доказываютъ какъ силу и успѣхи *минеральныхъ* куреній, особливо *соляною кислотою*, такъ недѣйствительность и даже вредъ *нѣкопорыхъ*, или весьма малую пользу другихъ куреній, или средствъ, обыкновенно употребляемыхъ для очищенія воздуха.

Сія столь полезная книга, по Высочайшему повелѣнію, переведена на Русской языкъ со вперваго изданія и напечатана въ С. Петербургѣ въ Медицинской Типографіи въ 1806 году (***) .

(*) *A short account of the royal artillery hospital at Woolwich &c. By John Rollo, M. D. Surgeon General Royal artillery, Londres, 1801.*

(**) *Traité des moyens de désinfecter l'air, de prévenir la contagion et d'en arrêter les progrès, par L. B. Guyton Morveau. Paris, 1801.*

(***) Подъ названіемъ: *О средствахъ къ благоустройству воздуха и отвращенію заразы. Сочин. Л. В. Гипона*

Сверхъ сего у насъ напечатано еще нѣсколько извѣстій о Гипоновомъ способѣ очищенія воздуха (*).

Морво, перевод. Васильемъ Джунковскимъ. С. Пешербургъ, 1806 Жаль, что Гнъ переводчикъ не принялъ на себя труда перевести Французскія *мбры* и *вѣсы* на употребляемые въ Россіи. Сіе неудобство, по видимому мало значущее, въ самомъ дѣлѣ весьма многихъ затрудняетъ въ чтеніи.

(*) Что писано было у насъ о куреніи *минеральными кислотами*, мнѣ извѣстно слѣдующее:

1 е. Въ *Технологической Журналѣ* 1804 года (Томъ 1й, Часть 2я, стр. 116—151) напечатано сдѣланное изъ Гипоновой книги извлеченіе подъ названіемъ: *Наставленіе о вѣрнѣйшихъ предохранительныхъ средствахъ противъ заразы, съ показаніемъ способа, какъ употреблять ихъ въ пользу.*

2 е. Сіе же извлеченіе и подъ тѣмъ же названіемъ напечатано въ С. Пешербургѣ въ 1804 году особою книжкою.

3 е. Въ 1805 году въ *Московскихъ Угленыхъ Вѣдомостяхъ* напечатано краткое извѣстіе о семъ способѣ.

4 е. Въ 1807 году въ *Запискахъ Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента* (Часть 1я, стр. 125—136) напечатано описаніе сего способа (а)

5 е. Въ *Военной Россійской Фармакопей* Гна Д. С. С. Вилье (*Pharmacopoeia Castrensium Ruthenae*) помѣщено

(а) На стр. 126 сдѣлана въ семъ описаніи важная ошибка. Въспомо того, чтобы сказать: *налить на соль*, тамъ сказано: *налить на песокъ купороснаго масла.*

Сверхъ сего правительство также употребляло свои мѣры къ разпространенію о семь свѣденій.

Не смотря на то, сіе спасительное для рода человѣческаго открытіе у насъ и понынѣ еще весьма многимъ не извѣстно. Особенно между просвѣтымъ народомъ, гдѣ средство сіе наиболѣе и нужно, оно извѣстно, можешь спасться, только пѣмъ, копорые имѣли уже несчастный случай испытать необходимость его. Между пѣмъ оно сколько для изпребленія, сполько же и для предупрежденія заразы, и вообще для очищенія воздуха полезно. Оно, лучше всякаго другаго способу куренія, можешь бытъ употребляемо, какъ во всѣхъ вообще больницахъ, шакъ равно въ шюрмахъ, въ казармахъ,

при способа составленія кислыхъ минеральныхъ паровъ.

6 е. Въ изданной въ 1813 году книжкѣ: *О гнилой и нервной горячкѣ*, соч. Гна Гаевского (стр. 37 — 43) также описанъ способъ Гипоновъ.

Изъ всѣхъ сихъ извѣстій напечатанное въ Технологическомъ Журналѣ есть самое подробное. Тамъ, сверхъ описанія способа Гипона Морво, изчислены и крашко разсмотрѣны всѣ обыкновенно употребляемыя средства къ очищенію воздуха.

въ многолюдныхъ масперскихъ; въ домахъ смирипельныхъ, или общеспвеннаго прирѣнія и воспишанія; въ шѣсныхъ жилищахъ бѣдныхъ, или низкаго соспоянія людей; въ домахъ, окруженныхъ болопишными, или шакими мѣспами, гдѣ скопляющся разныя нечистоты, и даже во всякихъ жилыхъ покояхъ, гдѣ употребляется гораздо менѣе приносящее пользы куреніе уксусомъ, или, большею частію вредное, нежели полезное куреніе смолами и разными душистыми порошками. Разность соспоишь шолько въ томъ, что въ иныхъ случаяхъ болѣе, а въ другихъ менѣе, куришь должно, п. е. судя по степени нечистоты воздуха, или по величинѣ комнашь. Сверхъ того сіе куреніе столь просто, дешево и удобно, что можешь бышь произведено вездѣ, гдѣ шолько можно достаць *сѣрной кислоты*, или — просто такъ называемаго — *купороснаго масла* (*). Вопшь какимъ образомъ оное производится:

(*) *Сѣрная кислота*, между простымъ народомъ болѣе извѣстная подъ коммерческимъ именемъ *купоросной кислоты*, или *купороснаго масла*, находится во всѣхъ Апшекахъ и, для употребленія въ художествахъ, продается по городамъ въ лавкахъ.

1е Куреніе соляною кислотою.

Вещества, входящія въ составъ куренія соляною кислотою, суть: 1е поваренная, или обыкновенная соль; 2е терная марганцовая окись, или-просто шакъ называемая — терная марганцовая известь, и 3е сѣрная кислота. Соль и кислота суть вещества необходимыя; а безъ марганцовой окиси обойшися можно: она употребляется для усиленія куренія (*).

Куреніе производится двоякимъ образомъ: съ жаровнею и безъ жаровни.

1е Куреніе соляною кислотою безъ жаровни.

Взять соли двѣ части,

Сѣрной кислоты одну часть (**);

(*) Еслили куреніе производится съ марганцевою окисью, то отдѣляемая чрезъ шо кислота называется соляною пресыщенною. Чшо куреніе простою соляною кислотою, ш. е. безъ марганцовой окиси, достапочно, не только для поправленія воздуха, но и для скората изпребленія заразы, шо неоспоримо доказано двумя вышеприведенными опытами Гипона Морво, въ которыхъ марганцовой окиси онъ не употреблялъ. Впрочемъ шо также неоспоримо, что куреніе пресыщенною соляною кислотою еще дѣйствительнѣе. Марганцевая окись продается какъ въ Аптекахъ, такъ и въ лавкахъ.

(**) Напр. Соли ложку, сѣрной кислоты полложки. — Такиимъ образомъ по количеству соли опредѣляется

Положишь соль въ спаканъ, или въ глиняный чистый сосудъ, и вылишь на нее кислоту. Изъ сей смѣси подымутся крѣпкіе кислые пары, копорые и со-
сшавляютъ куреніе.

2 е Куреніе пресыщенной соляною ки-
слотою безъ жаровни.

Взяшь соли - - - - 6 часпей,
Марганцовой окиси, изшершой
въ порошокъ (*), - - - - 1 часпъ,
Сѣрной кислоты, 3 часпи;

количество сѣрной кислоты и — въ куреніи пресы-
щенной соляною кислотою—количество марганцовой
окиси! Впрочемъ, какъ сѣрная кислота бываетъ раз-
личной крѣпости и какъ марганцовая окись содер-
житъ въ себѣ не всегда одинакое количество ошдѣ-
ляемаго отъ оной въ куреніи кислотворнаго натала;
попому нельзя строго опредѣлить, какая именно
соразмѣрность должна быть между сими входящи-
ми въ составъ куренія веществами, въ чемъ одна-
кожь и нужды большой нѣтъ. Ибо еспли одного
какого вещества положено будетъ больше, а друга-
го меньше; то вся невыгода будетъ состоять поль-
ко въ поперѣ излишне положеннаго количества;
вредъ же для здоровья не произойдетъ изъ сего ни
мало.

(*) Въспо совершенной марганцовой окиси, незнающему
иногда можеть попасться, особливо въ лавкахъ, или
весьма мало окисленный марганецъ, или соединенный
съ большимъ количествомъ желѣза. Такимъ марган-
цомъ куришь уже нельзя. Онъ, въ соединеніи съ сѣр-
ною кислотою, въспо полезныхъ кислыхъ паровъ,

Смѣшавъ соль съ окисью и, положи въ спаканъ, или въ глиняный сосудъ, смочивъ нѣсколько водою; попомъ на сію смѣсь выливъ кислоту.

3 е Куреніе съ жаровнею.

На жаровню поспавивъ желѣзный, или глиняный сосудъ съ пескомъ, или золою; а въ песокъ, или золу поспавивъ спаканъ съ солью, или со смѣсію изъ соли и марганцовой окиси, смоченною водою, какъ сказано выше. Какъ скоро соль или смѣсь разгорячится, по выливъ въ спаканъ кислоту. Въ семъ случаѣ теплоша ускоряетъ отдѣленіе паровъ и шѣмъ самое куреніе дѣлаетъ болѣе дѣйствительнымъ.

Что касается до того, когда сколько куришь должно, сего спро-го опредѣлишь также нельзя, такъ какъ нельзя опредѣлишь и степеней порчи воздуха, особливо въ шакомъ случаѣ, когда куреніе признается нужнымъ не для изстребленія заразы, но только для по-

даетъ уже вредные, имѣющіе запахъ сѣрный и тухлыхъ яицъ. Сей опытъ можетъ руководствовашъ и въ самомъ выборѣ наспоющей окиси.

правленія воздуха, наполненнаго менѣ вредными испареніями шѣль живошныхъ, или веществами, образующимися при разрѣшеніи шѣль органическихъ. Знакомъ большей, или меньшей порчи воздуха служишь по большой части болѣе, или менѣе непріятный запахъ; пошому уменьшеніе, или изпребленіе непріятнаго запаха можешь служишь шакже почти вѣрнымъ знакомъ поправленія, или совершеннаго очищенія воздуха (*). Есльли присушствіе заразы опкрываешся умноженіемъ числа больныхъ; по и уменьшеніе оныхъ, или прекращеніе умноженія, посредствомъ сего куренія, служишь

(*) Хотя повидимому и другіе способы куренія, какъ по: *уксусомъ, смолами и дщистыми травами*, изпребляюшь шакже непріятный запахъ въ воздухѣ; однакожь въ самомъ дѣлѣ они шолько заглушаюшь оный издаваемымъ опъ нихъ запахомъ, а не совсемъ изпребляюшь. Доказательствомъ сего можешь служишь по, что послѣ обыкновенныхъ куреній, какъ бы сильны они ни были, какъ скоро пройдешь издаваемый ими запахъ, опяшь слышентъ прежній запахъ въ воздухѣ; а послѣ куренія *соляною кислотою*, есльли шолько неслишкомъ мало въ покояхъ было накурено, сего запаху не слышно бываешъ уже до шѣхъ поръ, пока воздухъ не наполнишся снова заражающими оный веществами.

также несомнѣннымъ знакомъ уменьшенія, или изстребленія заразы.

Для всегдашняго куренія въ жилыхъ комнапахъ, вмѣсто обыкновенно употребляемаго куренія *уксусолѣ*, или *смолами*, доспапочно употребляшь въ одни, или въ двое и даже въ прое сушокъ, опъ половины до двухъ ложекъ *соли*, или смѣси оной съ *окисью*, и опъ чешверши до ложки *сѣрной кислоты*,—смотря поному, какъ обширны и многолюдны покои и какъ число содержащъ себя живущіе въ нихъ, или вообще, какъ много можешъ поршишься воздухъ.

Есшьди, нужно болѣе усилишь куреніе въ жилыхъ покояхъ, то вмѣсто того, чшобы въ одинъ разъ увеличивашъ количество употребляемыхъ для онаго веществвъ, лучше два, или три и даже чешыре раза накурить въ сушки, употребляя всякой разъ выше назначенное количество; или хопя и большее количество *соли*, либо смѣси оной съ *окисью*, положишь въ спаканъ, но соразмѣрное пому количество *кислоты* липъ въ спаканъ не вдругъ, а въ два, три, либо чешыре раза въ продолженіи сушокъ. *Смѣси* сей не должно выбрасывашъ изъ

сшакана до пѣхъ поръ, пока непереша-
нешъ она издавать кислаго запаха. По-
слѣ можно еще поставишь оную въ го-
рячую золу, либо въ горячій песокъ на
жаровню, или въ тепное мѣсто, особ-
ливо на солнце; тогда издасъ она еще
нѣкоторое количество кислыхъ паровъ.
Но еслии и въ семь случаѣ пары ошдѣ-
ляпсъ уже не будушь; по *смѣсь* для
курения болѣе не годишся.

Слишкомъ сильное курение можешъ
произвести у предшоящихъ на нѣкото-
рое время кашель и иногда головную
боль. Въ такомъ случаѣ должно или по-
крышь чѣмъ нибудь сшаканъ (*), или—
еслии въ сильномъ курении наспо-
ишь нужда—выпши на нѣсколько ча-
совъ изъ комнашъ. Доколѣ нѣпъ кашлю,

(*) Накрываетъ должно чѣмъ нибудь или *стеклянымъ*,
или *глинянымъ*, или *деревяннымъ*. Полошнымъ ни-
чѣмъ накрываетъ не должно, пошому что здѣсь ки-
слота всякое полошно сѣдаешъ. Ошъ нее мгновен-
но также ржавѣешъ желѣзо, пускаѣешъ серебро и
другіе нѣкоторыя металлы. Еслии нужно окури-
вать бѣлье и еслии окуриваніе будешъ очень
сильно; по скорѣ послѣ того, иногда даже
не болѣе какъ черезъ полчаса, бѣлье должно вы-
мышь, чтобы ошъ вѣдкости кислоты оно не испор-
шилось.

или сильной головной боли, до тѣхъ поръ нѣтъ никакого вреда, или опасности оставаться въ покоехъ.

Въ жилыхъ комнахахъ средней величины можно упошреблять въ одинъ разъ, безъ всякой опасности для живущихъ, отъ двухъ до четырехъ ложекъ соли и смѣси оной съ окисью. Въ такомъ случаѣ надобно только опдалиться нѣсколько отъ спакана при первомъ порывѣ изъ онаго паровъ. Впрочемъ споль сильное куреніе въ жилыхъ комнахахъ можетъ быть нужно тогда только, когда въ семѣйствѣ появляются уже знаки заразишельной горячки. Въ прошивномъ случаѣ весьма доспапочно гораздо менѣе сильнаго.

Еспшли нужно очиспить нежилыя комнашы, или такія, въ которыхъ долгое время лежало мерпное шѣло и разпространился уже опвращишельный запахъ; то въ такомъ случаѣ лучше курить съ жаровнею, взявъ отъ 4хъ до 8, или 10 ложекъ соли, либо смѣси оной съ окисью, и болѣе, смотря по величинѣ комнашы и по степени порчи воздуха; и какъ скоро выльется кислопа, то выпши изъ комнашы, зашворивъ напередъ плотно всѣ окошки и опверстія и

потомъ двери, какъ можно плотнѣе, дабы пары, сколько можно, менѣ выходили изъ комнапы. Часовъ черезъ 10, или 12, можно войши въ комнапу, и тогда должно разпворить окошки для перемѣны внутренняго воздуха внѣшнимъ. Еслили неслышно уже прежняго непріятнаго запаха, по почти съ досповѣрностію уже заключить можно, что воздухъ совсемъ очищенъ. Такимъ образомъ часпо можетъ бытъ достаточпо одного разу, для совершеннаго очищенія воздуха. Впрочемъ само собою разумѣется, что во всѣхъ таковыхъ случаяхъ лучше погрѣшить въ *излишествѣ*, нежели въ *нѣдостаткѣ*; лучше накурить лишній разъ, нежели оспаться въ опасности, что зараза несовершенно изпреблена.

Въ обширныхъ залахъ, гдѣ зараза открываеися въ *высокой* степени, количество сосѣавовъ, нужныхъ для куренія, опредѣляется уже *фунтами*. Гишонъ Морво въ первомъ своемъ опытѣ, сдѣланномъ въ Дижонской церкви, употребилъ *6 фунтовъ соли и 4 фунта сѣрной кислоты*. Можетъ бытъ, здѣсь употреблено уже и лишнее количество; но за

по дѣйствіе куренія было почти чудесное.

Куреніе селитряною кислотою.

Куреніе *селитряною кислотою* дѣлається всегда съ помощію жаровни такимъ образомъ: на жаровню спавишся сосудъ съ пескомъ, или золою; въ песокъ спавишся спаканъ съ *сѣрною кислотою*, и какъ скоро разогрѣвается кислота, то кладушь въ нее *селитру*. Изъ сей смѣси, кошорую припомъ помѣшиваешь должно, поднимающіяся также *кислые пары*, только не *соляной*, но *селитряной кислоты*. *Сѣрной кислоты* и *селитры* берешся по равному количеству, только обоихъ должно бышь менѣе, нежели сколько употребляется *кислоты* и *соли* въ куреніе *соляною кислотою*.

Вирочемъ куреніе *селитряною кислотою*, будучи дороже и неудобнѣе куренія *кислотою поваренной соли*, гораздо менѣе сего дѣйствительное. Поэтому сіе послѣднее всѣми вообще предпочтается куренію *селитряною кислотою*.

Вошь въ чемъ состоить сіе спасительное для рода человѣческаго открытіе!—Какъ жалко, что оно весьма многимъ

у насъ еще не извѣстно! Можешь бышь, иногда нѣсколько копѣекъ могли бы сохранить жизнь нѣсколькимъ челоуѣкамъ! Нѣшь сомнѣнія, что у насъ само правительство никогда не допустишь въ народъ такихъ несчастій, какимъ могла бы подвергнуться оная меньшая бдительность; но нельзя сказать, что бы знаніе сего средства не было полезно и даже нужно для каждаго вообще. Хорошо было бы, ешьлибы всякой даже крестьянинъ, всякой масперовой зналъ объ ономъ и былъ въ состояніи имъ пользоваться. Для нихъ оно нужнѣе, нежели для другихъ состояній. Но сего и достигнуть никогда нельзя. Какъ не многіе еще и въ вышшихъ состояніяхъ имѣють объ немъ понятіе! По сему то, кажется, никакое частное повтореніе извѣстій о семъ спасительномъ открытіи не было бы излишне. Оно, по моему мнѣнію, стоить и того, чтобы къ разпространенію объ немъ свѣдѣній принялъ особенныя какія либо мѣры.

И. Фовицкій.

Ш. К Р И Т И К А .

Курсъ Россійской словесности для дѣвицъ, содержащій въ себѣ Риторикъ, основанія Стихотворнаго искусства, исторію Россійской словесности съ Біографіею писателей въ оной прославившихся и Славянскую Мифологію сравненную съ Греческою. Соч. Училища Ордена Святыя Екатерины Учителемъ Ивановъ Левитскимъ. Часть первая, Риторика. С. Петербургъ. Въ Типографіи Ивана Байкова, 1812 года.

Доселѣ имѣли мы одну только Риторикъ въ пользу молодыхъ дѣвицъ, и ша впрочемъ, какъ увѣряешь сочинитель, равнымъ образомъ можетъ служить для мужчинъ, любящихъ словесныя науки. Теперь появляется для дѣвицъ цѣлый Курсъ Россійской словесности.

Я не думаю, чтобы Гнъ Гальяръ, издавая свою книгу въ пользу молодыхъ дѣвицъ, имѣлъ шу же цѣль, съ какою даюшь концерпы въ пользу бѣдныхъ или Арписшовъ, и спекшакли въ пользу Акшеровъ

и Аксприсъ. Вѣрно и онъ по же думаль, полько не по сказалъ, что Гнъ Левишскій. Но не знаю, по чему оба они назначили сочиненія свои преимуществвенно для упопребленія женскому полу. Издающся особые Курсы по возрастамъ, по различію круга воспитанія; на эпо есть свои причины: издающся особые *Журналы для милыхъ* и *Утренники женскаго пола*; и на эпо пакже можно придумашь коекакія причины. Но чтобы женщинамъ нельзя было учитьсь по однѣмъ книгамъ съ нами, этому я никакъ не вѣрю. Я даже думаю, что услужливость, оказываемая женщинамъ съ предположеніемъ, будто онѣ не могушь учитьсь по однѣмъ книгамъ съ мужчинами, должна бышь для нихъ болѣе оскорбительна, нежели пріяпна. А Гнъ Левишскій не взял даже осшорожности, не сказалъ съ Гальяромъ, что Курсы его *равнымъ образомъ можетъ служить для мужчинъ, любящихъ словесныя науки...*

Но — для кого бы Курсы ни быль написанъ — посмопримъ, что въ немъ содержитсь.

По заглавію книги иной подумаешь, что эпо должно бышь шворѣніе въ нѣ-

сколько помахъ; что тушь найдешь
 онъ Философическій разборъ Русскаго
 языка и образцовыя Русскія сочиненія
 во всѣхъ родахъ словесности, разо-
 бранныя по строгимъ правиламъ крас-
 норѣчія, или Поэзіи. Иностранецъ, ко-
 торый захочетъ знать нашу словес-
 ность, безъ сомнѣнія бросится къ
Курсу Гна Левинскаго: но что найдутъ
 они въ эпозѣ Курсѣ? Общія правила Ри-
 шорики (на 7 лиспахъ), которыя, мо-
 жешь быть, давно и не хуже знаютъ
 опъ Цицерона и Квинтилиана; правила
 Поэзіи, которыя, можешь спастись, на-
 изуешь читающъ изъ Горация и Буало. И
 эпозъ *Курсъ Россійской словесности*? — Не
 ошибся ли Гнъ Левинскій въ расположе-
 нии словъ? Не хотѣлъ ли онъ, вмѣсто
 того, сказать: *Россійскій*, т. е. написан-
 ный на Россійскомъ языкѣ, *Курсъ словес-
 ности*? Или онъ думалъ, что правила Рос-
 сійскаго стихосложенія, исторія нашей
 словесности и Славянская Мифологія мо-
 гутъ дать право сочиненію его на та-
 кое названіе? Если шакъ, то онъ
 скажетъ, что и Турки могутъ иногда
 называть Цицеронову, или Квинтилианову
 Ришорику *Курсомъ Турецкой словесно-*

спи, и Кишайцы Піишику Аришпошеля, Горація, или Буало — основаніями своего стихотворнаго искусства? (*)

Впрочемъ Гнъ Левишскій весьма неправъ и въ томъ, что въ Курсь словесности вводишь *Біографію* и *Мифологію*. Правда, знаніе Мифологіи нужно для Піиша; но мало ли, чего еще нужно для него и вообще для липперашора, и неужели все

(*) Здѣсь замѣчу я, что и слово *Стихотворство*, или *Стихотворное искусство*, совсѣмъ не выражаетъ того, что разумѣется подъ словомъ *Поэзія*; (хотя впрочемъ эта ошибка уже не Гна Левишскаго, а шѣхъ, копорые, ни сколько не имѣя шерпимосши къ словамъ иностраннымъ, все безъ разбору хопяпъ называшъ Русскими). Оно, заключая въ себѣ понятіе объ одной случайной принадлежности Поэзіи, п. е. о *либрной рѣги*, ни сколько не означаетъ сущности сего искусства *вымышлять* или *творить* (*ποιεῖν*), и исключаетъ изъ числа піишическихъ сочиненій всѣ романы, всѣ писанныя прозою сказки и драматическія сочиненія.

Замѣчу также ошибку общую Гну Левишскому почти со всеми нашими сочиншателями Курсовъ. Они называють *своиѣ сочиншнемѣ* то, что давно сочинено другими, а ими только *списано*, или *собрано*. Курсь словесности, особливо такой какъ Гна Левишскаго, не Трагедія, не Поема. Иначе и издашеля *Букварей* и *Календарей* могутъ также присвоить себѣ право называшься *сочиншателями оныхъ*.

по должны мы мѣшать съ правилами словесности?— Къ чему жь шуть нужна еще *Біографія писателей*? Какая связь между Поэзією и жизнію самаго превосходнаго Писателя?— Не знаю, что это появляешся у насъ за мода учить словесности *послужными списками*! Мы съ удовольствіемъ читаемъ жизни великихъ писателей, издаваемыя съ швореніями ихъ; но жизнь Невтона, Вольфа и Лейбница соспавляешъ ли Курсы ихъ Философіи, или Машемашики? Какая же нужда ученику, или ученицѣ знать, что переводчикъ одной какой нибудь книги *вступилъ въ службу тогда то, имѣетъ гинъ, или орденъ такой то*? — Вошь, каковы наши учителя словесности!

Но приступимъ къ разсмотрѣнію самой Риторики Гна Левинскаго.

Вошь предмѣты и разположеніе ея по главамъ: о *періодахъ*, о *тропахъ*, о *фигурахъ словъ*, о *фигурахъ мыслей*, о *хриіи*, о *письмахъ*, о *словахъ*, о *произношеніи*, о *подражаніи* и о *критикѣ*. Въ ней, къ сожаленію, весьма много шакого, что спрогій рецензентъ могъ бы замѣшить Гну сочинителю; но слушашъ, или читаешъ все это, не всякому было бы пріяшно. Поэтому я

ограничусь только нѣкоторыми примѣчаніями.

„Словесность вообще есть основа-
 „тельное знаніе искусства сочиняюща, снѣ-
 „сканное обдуманнѣмъ чшеніемъ луч-
 „шихъ писателей.“

Вошъ *опредѣленіе словесности*, ко-
 рымъ Гнъ Левинскій начинаешъ введе-
 ніе въ свою Риторіку. Мнѣ кажется,
словесность совсѣмъ не есть *знаніе*,
 но—въ обширномъ смыслѣ—*способность*, а
 въ пѣсномъ — *искусство*, и не *сочинять*
 вообще (ибо сочиняющъ и концерпы и
 балеты), а *выражать словами мысли и*
чувствованія. Сіе искусство приобретаешъ
 не однимъ *тненіемъ писателей*, какъ
 говоритъ Гнъ Левинскій, но сверхъ
 того *изученіемъ правилъ и упражненіемъ*
въ сочиненіи по правиламъ и образцамъ.

Далѣе онъ *опредѣляешъ краснорѣчіе*
искусствомъ научать, нравиться и воз-
буждать (стр. II).

Кто незнаешъ еще, что такое *красно-*
рѣчіе, пошъ, чиная это *опредѣленіе*, лег-
 ко можешъ предспавить себѣ, вмѣсто
краснорѣчія, шри различныя искусства,
 изъ которыхъ одно—искусство *научать*—
 относивша къ учителямъ, другое—иску-

ство *наравиться* — извѣстно болѣе женщинамъ, а претше—искусство *возбуждать* (*ars stimulanđi*) — составляетъ часть врачебной науки.

На страницѣ III и IV онъ говоритъ :
 „Сверхъ знанія правилъ словесности,
 „для писателя необходимо знаніе наукъ,
 „особливо: *Логики, Исторіи и Геогра-*
 „*фіи* Не зная Географіи, мы за-
 „будимся въ описаніи мѣстъ, которое
 „часто бываетъ необходимо для сочи-
 „нителя Но самое нужнѣйшее сред-
 „ство для каждаго писателя есть вкусъ.
 „Вкусъ въ искусствахъ поже, что разумъ
 „въ наукахъ; онъ есть Кумиръ, постав-
 „ленный въ неизмѣримой области сло-
 „весности, предъ которымъ и самыя
 „щасливые Геніи не спыдились пре-
 „клоняя свои колѣна, или паче, онъ
 „есть верховный судія опредѣляющій
 „судьбу умопроизведеній. Безъ вкуса не
 „можно быть изящнымъ художникомъ,
 „слѣд. и писателемъ. Но первѣе всего
 „должно познать правила, руководству-
 „ющія къ красивому, пріятному и убѣ-
 „дительному изложенію мыслей. Сово-
 „купность сихъ правилъ называется

„Рипорикою. И пакъ Рипорика есть
„искусство“ и проч:

Не будемъ спорить, что Гнъ Левишскій не справедливо предпочель здѣсь *Географію Философіи*; не будемъ замѣчать, какъ высокопарно, но непочто, неправильно и даже несвязно онъ объясняется. Замѣшимъ только, что, по умствованію его, для каждаго писателя — дабы не заблуждался онъ въ описаніи мѣств — не меньше Географіи нужны и *проводы*.

Объясняя извѣстные четыре способа разпространенія предложеній, ш. е. чрезъ эпитеты, синонимы, противныя и обстоятельства, на послѣдній онъ сдѣлалъ примѣръ, изъ котораго вышелъ слѣдующій, подлинно образцовый, періодъ
„Добродѣшель, кошорую ежели за свято
„почитайшь будемъ въ сей крапковремен-
„ной и колѣвращной жизни, исполняя въ
„почности всё то, что предписываетъ
„Богъ, разумъ и природа для спокойств-
„вія нашей совѣсти и внутренняго удо-
„вольствія, коего совѣмъ чужды души
„порочныя; ежели всё сіе исполняшь
„будемъ при помощи Божіей — при жар-
„чайшихъ молитвахъ ежечасно къ нему
„нами возсымаемыхъ, во всякомъ возра-

„спѣ, соспояніи и на всякомъ мѣспѣ —
 „сія священная добродѣшель служишь
 „сама себѣ наградою, презирая хуленія
 „и гоненія порочныхъ, возспановляя миръ
 „въ душѣ и спокойствіе въ совѣспи на-
 „шей, дабы шѣмъ оправдашь болѣе свя-
 „пость свою и величіе, и дабы пока-
 „зашься еще величественнѣе въ очахъ у
 „усердныхъ еяпочиташелей.“ (сшр. XI, XII)

Какой опшврапительный примѣръ
пустословія и бессмыслицы? Неужели
 Ришорика должна учипѣ сочиняшь ша-
 кимъ образомъ? Неужели ученики долж-
 ны подражашь этому примѣру? Иначе
 для чегожь онъ написанъ? — Гнъ Левип-
 скій послѣ этого говоришь: „Не должно
 „думашь, будпо бы всегда и вездѣ можно
 „было пользоваться всѣми показанными
 „(чешырьмя) способами,“ — какъ будпо
 въ самомъ дѣлѣ еспѣ случай, что можно
 пользоваться ими всѣми вмѣспѣ. Что
 сказала бы онъ, еспѣлибы изчислил всѣ
 извѣспные *изтогникъ и изобрѣтенія?* Ка-
 ковъ тогда-то былъ бы примѣръ его?
 Нѣшь, ему слѣдовало бы напрошивъ ска-
 зашь, что не только всѣми сими чешырь-
 мя способами никогда и нигдѣ вмѣспѣ
 пользоваться не можно, но и всѣхъ об-

стоятельствъ изгислять, то. е. пользоваться вполне однимъ послѣднимъ способомъ и писаешь такую безсмыслицу, какую написалъ онъ самъ въ эпическомъ примѣрѣ, никогда не должно. Ему бы показашь въ разныхъ примѣрахъ — въ шакихъ, кошорымъ бы можно было подражашь — какимъ образомъ, не плѣня пустословія, можно пользоваться по часпямъ не только сими чепырьмя способами изобрѣшенія, но и множеспвомъ другихъ, о кошорыхъ онъ, къ сожалѣнію, или только упоминаешь, или совсѣмъ ничего не говоришь. *Изобрѣтеніе* еспь весьма важная и для учащихся самая прудная часть Рипорики, и оно по совсѣмъ забыло у Г на Левипскаго. Между тѣмъ онъ общашь намъ въ своемъ *Курсѣ Біографію писателей и Славянскую Мивологію*, а въ Рипорикѣ, какъ мы увидимъ, по и дѣло перерываешь правила такими размышленіями, безъ кошорыхъ очень легко можно было бы обойтись!

Въ самыхъ правилахъ Рипорики Гну Левипскому, кажешься, нѣльзя уже было погрѣшашь очень много. Въ шакой книгѣ, какова эша, очень мало можешь принадлежашь издашелю. Большая часть опредѣ-

леній сдѣлана назадъ тому нѣсколько сошъ лѣтъ, и всѣ почти примѣры были собраны еще прежде Г на Левипскаго. Однакожь издѣсь попадаются очень много шакого, чего не лзя оставишь безъ замѣчанія. На примѣръ:

Онъ шакъ начинаеть главу о періодахъ. „Какъ въ Геометріи изъ многихъ „короткихъ линій соспавляется кругъ: „такъ въ Риторикѣ изъ многихъ выраженій и предложеній соспавляется *periodus*.“ (спр. 1).

Для чего захопѣлось ему объяснять шакимъ образомъ періодъ? Неужели не лзя объяснишь оный какъ нибудь попроще? Ссылаешь въ *Риторикѣ* на *Геометрію* сполько же прилично, какъ и на *Хилію*, или *Врагетвную науку*, ешлы и положишь, что *Дѣвицы* должны уже знашь сіи науки преждѣ *Риторики*. И что шакое: въ *Геометріи* составляеться *кругъ*, въ *Риторикѣ* составляеться *періодъ*? Періодъ соспавляеться въ *сочиненіи*, а не въ *Риторикѣ*; кругъ соспавляеться въ *герсеніи*, ш. е. когда что нибудъ черпашся, а не въ *Геометріи*. Припомъ одному ли *кругу*, не всякой ли *Математической фигурѣ* свойшвенно соспавляеться изъ ли-

ней, короткія ли онѣ будущь, или долгія? Ишакъ вопшь сколько ошибокъ въ чепы-
рехъ спрокахъ!

Во введеніи же (спр. V) опредѣляетъ онъ періодъ рѣчию, содержащую смыслъ *полный, совершенный и круглый*. — Довольно бы сказашь: смыслъ *полный; совершенный* значить поже, а смыслъ *круглый*, шакже какъ и *тетвероугольный*, не значить ничего, — Далѣе:

„Но *титая произведенія чловѣ* при-
„мѣчаемъ, что періоды, сосшавляющія
„оныя бывають различны.“

Это шакже слишкомъ *высокопарно*, но весьма *неточно и неправильно*.

Спр. 8. „Что называется украшені-
„емъ въ рѣчи? Нѣкопорыя выраженія и
„обороты словъ (фигуры рѣченій) слу-
„жащія къ тому, чшобы сдѣлать рѣчь
„пріятною, убѣдительною, вкрадчивою.“

Неужели *нѣкоторыя выраженія и
обороты словъ* сосшавляютъ и все укра-
шеніе рѣчи? А *фигуры линѣній*? — Или Гнъ
Левинскій приключаетъ ихъ къ числу
нѣкоторыхъ выраженій и оборотовъ словъ?—
И что за опредѣленіе *украшеній*—„ выра-
„женія и обороты словъ, дѣлающія рѣчь
„пріятною, убѣдительною, вкрадчивою?“

Спр. 9. „Онѣ (ораторъ) долженъ зой-
 „ши въ сердце и разумъ его (слушателя)--
 „и сіе не иначе можешъ спашься, какъ
 „проходя чрезъ воображеніе, говоришь
 „языкомъ его.“

*Сіе можетъ статъся не иначе, какъ
 говорить, проходя и проч.:... кажешся,
 здѣсь нѣтъ смысла. Да и говорить, про-
 ходя чрезъ воображеніе, также довольно
 мудро.*

Спр. 11. „Тропъ естъ оспроумное
 „опспупленіе опъ обыкновеннаго выра-
 „женія мыслей, по причинѣ сходства и
 „подобія, посредствомъ оборотовъ и
 „картинъ, возвышающихъ эстетическую
 „занимательность сочиненія.“

Сколько недоспашковъ въ одномъ
 эпомъ опредѣленіи! Гнъ Левишскій думаль
 опредѣлишь тропъ вообще, а опредѣлиль
 одну *метафору*, и шо весьма худо. Чшо
 можешъ поняшь ученикъ подъ *отступле-
 ніемъ отъ выраженія посредствомъ оборо-
 товъ и картинъ*. Какіе эшо обороты и
 картины? И опъ самаго ли *выраженія*, а
 не опъ *извѣснаго образа изьясненія*,
 дѣлаешся опспупленіе, когда, вмѣсто
 проспаго рѣченія, упопрѣбляешся пере-
 носное? За чѣмъ шакже обьяснашъ *тропъ*

эстетическою занимательностію, когда эша занимательность пребуешь еще большихъ объясненій, нежели самый тропѣ? Припомъ къ слову занимательность, еспьли оно означаешь то, что французское *l' intérêt*, нужноли, подражая Французамъ, прилагаешь эстетическое, еспьли у насъ нѣшь занимательности физической, денежной и проч. (*l' intérêt physique, pécuniaire &c*)? И какая бы ни была занимательность, не естественнѣ ли ей у насъ *увеличиваться, чѣмъ возвышаться?*

На 12 страницѣ онъ и метафорѣ даешь поже опредѣленіе, и говоритъ: „*метафора* ешь поже, что пропъ во- „обще, ш. е. оспроумное опспупленіе опъ „обыкновеннаго выраженія мыслей, по „причинѣ сходства и подобія, посред- „ствомъ оборотовъ и карсинъ.“

Нельзя думатьъ, чтобы сочинитель Курса словесности не зналъ такой бездѣлицы; но какъ же законодателю словесности дѣлашь споль грубыхъ ошибки?

Спр. 14. „Изъ послѣдовательнаго продолженія метафоры. производись аллегорія (иносказаніе), посредствомъ ко-

„порой обороты и выраженія легко пере-
мѣняющся въ *Эстетическія*.“

Для чего послѣвлено шупь *послѣдо-
вательное*, я не знаю. Кажешся, *продол-
жаться* и само по себѣ значишь *слѣдо-
вать одной части послѣ другой*. Но что
значишь перемѣна оборотовъ и выраже-
ній въ *Эстетическія*, эпого, право, не по-
нимаю. Кажешся, *Эстетика* у Гна Авшо-
ра вошь уже въ другой разъ вмѣшиваешся
шакже не кшпши, какъ вмѣшалась и
Геометрія.

На сшраницѣ 16 Гнь Левипскій къ
аллегоріи ошносишь *пословицы*.—Кшо не
знаешъ, что пословицы не всѣ бывающъ
иносказашельныя?

На сшраницѣ 17 опредѣлилъ онъ
метонимію шакимъ шропомъ, въ копоромъ
„поспавляешся причина дѣйшвующая
„вмѣсто *произведенія*;“ а изчисляя виды
сего шропа, самъ показаль, что въ немъ
не одна шолько дѣйшвующая, но и дру-
гія причины поспавляющся вмѣсто про-
изведенія, и произведеніе вмѣсто причинъ,
и что сверхъ того полагаешся еще
содержащее вмѣсто *содержимаго*; *вла-
дѣтель* вмѣсто *вещи*, копорою *владѣешь*;
Государь или *полководецъ* вмѣсто *поддан-*

ныхъ, или воиновъ; признаковъ вмѣсто самой вещи, и проч. — Неужели все это есть только дѣйствующія причины и произведенія?

На страницѣ 21 попадаешся такой періодъ, кошорому очень не прилично бы-лобы находиться въ Риторикѣ. Вошь онъ: „Ее (Иронию) можно сравнишь съ змією, „подъ цвѣтами скрывающеюся—и болѣе „иногда зависишь ошь произношенія, „нежели ошь самыхъ словъ.“

А вошь его примѣръ Ироніи: „О раз-„умная головушка! Едва только прошло „прой сущки — и шы уже сочиниль пе-„риодъ, состояцій въ трехъ спрокахъ.“ (Спр. 22.) — Сколько цвѣшовъ и оспро-пы въ эпомъ примѣрѣ! Это образецъ, кошорому должны подражашъ дѣвицы!

На страницахъ 22 и 23 Авшоръ очень не худо объясняешъ *галиматью*. Правда, въ наши времена эпошь предметъ не пребуешъ многихъ объясненій; однакожь, кому захочешся знашь *галиматью* осно-вашельно, шому можно рекомендовашъ Курсь Гна Левитскаго предпочтитель-но передъ нѣкошорыми другими.

На страницѣ 25, послѣ метафизико-эстетическаго приступа, въ кошоромъ

доказываешь, что *фигура* въ Риторикѣ есть поже, что *форма* вещи въ природѣ: что „глава о фигурахъ пребуешь „всего нашего вниманія;“ что „плашье „сопканное все изъ золоша менѣе нравися, нежели то, которое только „вышишо золопомъ,“ — онъ даетъ слѣдующее опредѣленіе *фигуръ*: „*фигура* „есть особенный способъ выражать свои „мысли отличными образми ошъ обыкновеннаго.“

Но вошь еще лучшее опредѣленіе одной *фигуры*: она „состоишь въ коллествѣ нѣсколькихъ словъ упопреленныхъ для красоты и яснаго выраженія“ (спр. 28). Можно ли по опредѣленію узнать, что это *изобилваніе*?

На страницѣ 31 приводишь онъ въ примѣръ одной *фигуры*, не знаю откуда, слѣдующій періодъ: „Поелику награжденіе добродѣтели здѣсь сомнительно; то „не безъ основанія спросишь можно, для „чего поущено, чтобы человекъ былъ „добродѣтеленъ вошьце? Для чего повелѣно человеку бышь добродѣтельнымъ „вошьце? Для чего человекъ обманушь къ „тому, чтобы бышь добродѣтельнымъ „вошьце?“ — Сстоишь ли этошь періодъ

шого, чтобы служилъ ему образцомъ *краснорѣчія*.

Впрочемъ я оставляю двѣ главы о фигурахъ безъ подробнаго разбору. Скажу только, что въ нихъ есть опредѣленія весьма непочныя и даже неправильныя, и примѣры очень худые; есть фигуры, которыхъ въ числѣ фигуръ никакъ почитать не должно, откудабы Гнъ Левинскій ни занялъ ихъ; таковы суть: *желаніе, предшествованіе, заклятіе*.

Главу о *Хриі* начинаешь Гнъ Левинскій также довольно пространнѣе пришествіемъ, въ которомъ, предваряя ученицъ, что это есть „самый древній родъ сочиненія, названіе коего можетъ быть однимъ только Ораторамъ или учителямъ Риторикъ извѣстно;“ что „напраснобы ему спали доказывать, что знаніе правилъ, руководствующихъ къ составленію онаго (т. е. древняго рода сочиненій!) бесполезно, и слово *Хриі* извѣстно однимъ только *схоластикамъ*: „ибо многіе опыты убѣдили его въ пользу онаго“ — говоришь: „Изъ совокупности *Хриі* составляющія письма, большія рѣчи, цѣлыя книги . . . Вошь поче-

„му не хотѣлъ я пропустить сей главы“
(спр. 50 и 51).

Какіе длинные сборы! Иной подумаешь, что послѣ этого Гнъ Левитскій, прошивъ плана своего сочиненія, предложитъ очень обширный пракшакъ о Хриі. Напрошивъ онъ предложилъ пракшакъ очень обыкновенный, т. е. изчислилъ часпи и привелъ по примѣру двухъ родовъ Хриі и Силлогизма. Вошь только чего не хотѣлъ онъ оставилъ безъ особеннаго замѣчанія, что „заключеніе (последняя часть Хриі) должно соспоятъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ — шакъ, „чтобы слушатель, по выслушаніи онаго, оспался какъ бы оглушеннымъ“; что „наши Ораторы, не смопря на важность впечатлѣнія, какое должно произвешти въ умъ и сердце слушателя заключеніе, „пишутъ его какъ бы перомъ усшальнымъ.“
„Во время преподаванія сей главы, — говоришь онъ — я постшараюсь доказать истинну сказаннаго мною примѣрами, взятыми изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей.“

Хорошо, что Гнъ Левитскій, какъ изъ этого видно, самъ только хочеть учить по своему курсу. Иначе что было.

бы съ нашими Орапорами, еспьлибы всякой учитель спаль доказывашь — примѣрами изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей — что они не оглушаютъ своимъ заключеніемъ слушателей и пишутъ его какъ бы перомъ усталымъ!

Но — я войду здѣсь въ важный споръ съ Гмъ Авшоромъ вразсужденіи Хриі, въ пользу которой убѣдили его многіе опыты.

Онъ говоритъ: „Изъ совокупности „Хриі соспавляются письма, большія рѣчи, „цѣлыя книги, хопя въ сихъ послѣднихъ „наипаче форма Хриі прикрывается о- „собливыми и каждому сочинителю свой- „спвенными оборошами и переходами „опъ одной мысли къ другой.“

Гдѣ видаль онъ шакія письма, большія рѣчи и даже цѣлыя книги, въ кошорыхъ бы можно было найпи, не шолько совокупность, но хопя одну полную порядочную Хрию, ш. е. шакое сочиненіе, въ кошоромъ бы непрерывно слѣдовали одно за другимъ: 1 Предложеніе, 2 Пригина, 3 Противное, 4 Подобіе, 5 Примѣръ, 6 Свидѣтельство и 7 Заключение? Для чего, выписывавши изъ Рипорики Гна Рижскаго примѣръ превращенной Хриі, не прочишаль онъ шамъже нѣ параграфа? Тамъ именно

сказано: „Нигдѣ въ лучшихъ сочиненіяхъ
 „не можно найши шакой Хріи, копорая
 „бы имѣла всѣ показанныя часпи и при-
 „шомъ въ шакомъ порядкѣ, какой пред-
 „писываешся правилами; но всегда нѣ-
 „которыя изъ нихъ бываюшъ выпущены,
 „нѣкоторыя же вмѣсто того повпо-
 „ряюшся, а всѣ вообще размѣщены шакъ,
 „какъ сочинителю удобнѣе казалось ихъ
 „связашъ между собою.“ Прочитавши
 эшо, онъ, можешъ бышъ, раздумалъ бы
 ушверждашъ, что изъ Хріи, особливо ша-
 кихъ, какова *порядочная*, состояшъ кни-
 ги: ибо эшо будетъ уже не Хрія, но про-
 стое соединеніе періодовъ, ешъли нѣ-
которыя части выпущены, нѣкоторыя
повторены, и всѣ вообще размѣщены
такъ, какъ сочинителю удобнѣе казалось
связать ихъ. Послѣ эшого, можешъ спашъ-
 ся, не было бы нужды еще болѣе безобра-
 зишъ Курсь Рипорики шакимъ сочине-
 ніемъ, каковъ примѣръ его порядочной
 Хріи. — Что за сборъ словъ, что за пу-
 шшословіе! Ешъли бы самому Авшору
 попалась книга, написанная шакими Хрія-
 ми, какова эша, шо и онъ бросилъ бы ее
 съ досады, не прочитавши двухъ спра-
 ницъ. Вошъ, на примѣръ, одно *заклюгеніе,*

кошорое, еспьли самъ Авшоръ слѣдовалъ своимъ правиламъ, конечно соспоишь въ выраженіяхъ *самыхъ рѣзкихъ, оглушающихъ титателя*: „Такъ, все вѣщаешь тебѣ (празднолюбцу) испинны, сказанныя мною, (ш. е. что *время беретъ должно* — предложеніе Хри); земля и небо тоже повѣдающъ; самая совѣспь пвоя, еспь ли ты внималъ ей когда нибудь, вѣщаешь тебѣ тоже. Знаешь ли ты, что ожидаешь себя за предѣлами жизни? Судь и вѣчность — вѣчность и судь — и чѣмъ же ты оправдишься предъ онимъ? „Горе тебѣ, горе всякому празднолюбцу!“ (спр. 55). — Кшо не зашкнешь ушей, чшобы не слыхашъ шакаго краснорѣчія?—

Но Г нь Левитскій оканчиваешь главу, кошорой *не хотѣлъ онъ пропустить*, очень приличнымъ заключеніемъ. Онъ говоритъ: „Смѣшно бы было, еспь ли бы я со всею спрогоспью пошребовалъ шочнаго соблюденія правилъ, предложенныхъ мною въ сей главѣ, опъ пѣхъ для кошорыхъ особенно писана вся сія книга“ — и попомъ дѣлаешь очень учпивый комплиментъ своимъ ученицамъ: „и можно ли, *говоритъ онъ*—обращаясь къ своему сердцу—не уволишь ихъ опъ спрогой,

„точности? Ихъ воображеніе, ихъ свобода
 „мыслей, полъ и возрастъ шребуюшь боль-
 „шаго снизхожденія опъ наставника?“ —
 Кто не скажешъ, какъ чувствительно
 изъясняешся Гнъ Авшоръ? —

Глава о *Письмахъ* естъ, кажешся, са-
 мая забавная въ Рипорикъ Гна Левипш-
 скаго. Нельзя не выписать изъ нее нѣко-
 порыхъ мѣсшъ, чшобы показашъ чшпа-
 шелямъ, какъ легко и какъ худо иногда
 пишущся у насъ самые *Курсы*.

Написавши цѣлую спраницу присту-
 па и переходя на другую, онъ говоришь:
 „Кому не извѣстно горестное чувствво,
 „сопровождающее разлуку съ любезны-
 „ми намъ особами? Кто не испышалъ
 „мучительнаго его дѣйствія? Кто не
 „плакалъ, или покрайней мѣрѣ кто не
 „грустилъ, разставшись съ родными, съ
 „другомъ — единшвеннымъ даромъ неба?
 „Кто не чувствоваль облегченія въ семь
 „мучительномъ сосшояніи въ шо время,
 „когда читалъ письмо ими написанное,
 „или самъ писалъ къ онымъ? Природа
 „помѣстила въ сердць нашемъ между
 „прочими желаніями непреоборимое же-
 „ланіе дѣлишь свою радость и горестъ
 „съ другими. Опъ чего сердце наше въ

„первомъ случаѣ болѣе чувствуюешь удо-
 „вольствія, а въ послѣднемъ облегченія—
 „ошрады. Но пысячи обспояпельспвъ
 „заспавляюшь иногда умолчашь обо всемъ
 „помъ. Чшоже дѣлашь? Прїняшься за
 „перо и писашь къ другу; къ повѣренно-
 „му души и сердца. А сего кажешся уже
 „довольно, чшобы прочишашь главу сію
 „со вниманіемъ.“ — „Письма называюшь
 „рѣчію опсупспвующаго къ опсупсп-
 „вующему. По сему уже ли не можно
 „писашь къ шѣмъ особамъ, кои вмѣспѣ
 „съ нами находяшся? Можно; но эшо бу-
 „дешь уже разговоръ; а не письмо. Да и
 „чшо за необходимость писашь къ шѣмъ,
 „съ коимъ, какъ говоришся, съ глазу на
 „глазь? Вы говорише; коварспво, злоба и
 „пустспловіе заспавляюшь шо дѣлашь.
 „Замолчише.“ (Спр. 45, 46 и 66). — Вошь
 какъ Авпоръ нашъ бесѣдуешь съ дѣви-
 цами!

Далѣе онъ говоришь: „Спрогихъ пра-
 „виль для писемъ положишь не возмѣж-
 „но, шакъ какъ и для движеній челоувче-
 „скаго сердца. Въ самомъ дѣлѣ въ нашей ли
 „волѣ повелѣшь сердцу, чшобъ оно шакъ
 „чувспвовало а не иначе, шакъ билось а
 „не иначе; но сердце ешь единспвен-

„ное опечество чувспвованій, кои мы
„выражаемъ въ письмахъ.“ (Спр. 66 и 67).

Но вопъ мѣсно, въ кошоромъ еще
болѣ *эстетической занимательности* :
„Читайше его письма (Ж. Ж. Руссо).....
„У него не примѣшно усилія и изыска-
„шельности въ доказательспвахъ, онъ
„и не забопипся о нихъ, но вы вѣрише
„словамъ его опъ всего сердца; опъ че-
„го эшо? опъ того, что онъ уже давно
„подкупилъ вашъ разсудокъ цѣною сердеч-
„ныхъ чувствованій. Вопъ сребреникъ,
„на кошорый бы я согласился промѣ-
„няшь всѣ тѣ громкія выраженія пше-
„славныхъ писателей, опъ кошорыхъ
„раздираешся одно только ухо, а сердце
„ни мало непрогаешся“ (Спр. 69).—Что
за романическая *сантиментальность* въ
учебной книгѣ; что за вздоръ въ важномъ
дѣлѣ! Изъ такихъ неумѣспныхъ размыш-
леній соспавлена у него вся почти гла-
ва о письмахъ. Впрочемъ ихъ очень мно-
го разбросано по всей книгѣ. Я не замѣ-
чалъ ихъ, боясь наскучишь и безъ того
уже слишкомъ продолжипельною рецен-
зією. Любопышные читатели найдупъ
ихъ на спраницахъ 4, 9, 10, 11, 12, 14, 24,
27, 34, 35 и въ слѣдующихъ чешырехъ
главахъ.

Но чтобы скорѣе окончить рецензію, я не буду подробно разсмащривать сихъ чешырехъ главъ. Вообще что можно сказать объ нихъ вообще. Онѣ (особливо глава 7 я о слогахъ, и послѣдняя, о критикѣ) написаны такъ же краснорѣчиво и съ такою же логическою спрогосною, какъ и глава о письмахъ. — Теорія слоговъ, особливо *высокаго*, сама по себѣ не довольно еще нынѣ обрабошана; она должна бытъ основана на началахъ Физіологическихъ, безъ кошорыхъ никогда удовлетворительна бытъ не можешъ; и у самага Лагарпа она сосшавляешъ болѣе игру словъ, нежели спроеое объясненіе различныхъ чувствованій, производимыхъ въ насъ *красивыиъ, пріятныиъ, и высокииъ*; а предложенная въ слогѣ метафорическомъ у Г на Левинскаго, она очень недосшашочна. Сверхъ того у него попадающя мѣспами и ложныя сужденія. —

Главу о кришикѣ написалъ онъ довольно съ большимъ жаромъ (*). Мнѣ кажешся,

(*) Эпиграфомъ сей главъ поставилъ онъ извѣсшый стихъ Боало: *La critique est aisée etc*, только съ своею поправкою. Ему не понравилось сказать далѣе: *et l'art est difficile*; онъ сказалъ: *mais l'art est difficile*, и первое полспшише сдѣлалъ семисложнымъ.

ей совсемъ не слѣдовало бы бытъ въ Ришорикѣ. Правила кришика составляютъ болѣе предметъ Логики, нежели Ришорики. Но — рѣшившись не спорить болѣе, дабы не наскучить чипапелямъ, я выпишу здѣсь обращеніе его къ дѣвицамъ, сдѣланное въ заключеніи сей главы. Онъ говоритъ: „Чтобы сдѣлалось съ „вами, любезныя писашельницы, ешь-„либы симъ загрузѣвшимъ дикарямъ (не-„вѣжамъ кришикамъ) попались въ руки „ваши чувствительныя сочиненія — подлинная картина души и сердца?“ и помощь ободряетъ ихъ осмью спишками.— Конечно, для дѣвицъ, можешь бытъ, нужно оканчивать такимъ образомъ курсы наукъ; но для мушницъ это былобы довольно смѣшно.

Теперь пусть чипапели сами сдѣлають заключеніе о *Курсѣ* Гна Левинскаго. Я не могу однакожь не сказать, что въ нынѣшнія времена очень не мудро былобы написать учебный курсъ словесности гораздо лучше этого.